

Андрей Ветер

Лучшие годы жизни

Под сводами
высокой лжи

Андрей Ветер

**Лучшие годы жизни. Под
сводами высокой лжи**

«Издательские решения»

Ветер А.

Лучшие годы жизни. Под сводами высокой лжи / А. Ветер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936533-0

Мне жить одиноко и страшно. Меня окружает только неопределенность. Даже в церкви я не испытываю никакой уверенности, а ведь я хожу туда, чтобы общаться с Господом, получить от него уверенности в себе самой. Я улыбаюсь, но мне страшно жить. Мне страшно жить, но мне страшно и о смерти думать. Я верю в загробный мир, но боюсь смерти — как такое возможно? Здесь так много беспокойства! Всё вокруг обманчиво. Боль сильнее наслаждения, поэтому я думаю о боли, стремлюсь избежать её, но её так много! Книга содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-44-936533-0

© Ветер А.
© Издательские решения

Содержание

ТАТЬЯНА	6
СТУПЕНИ	15
ЮРИЙ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лучшие годы жизни Под сводами высокой лжи

Андрей Ветер

Любовные отношения скрывают в себе не меньше секретов, чем шпионские операции, а то и больше...

© Андрей Ветер, 2018

ISBN 978-5-4493-6533-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАТЬЯНА

Телефон зазвонил ближе к полуночи, и Татьяна, уже устроившаяся в ворохе подушек, с неохотой поднесла трубку к уху.

– Алло? Ты не спишь? – услышала она голос Павла Костякова.

– Уже не сплю.

– Таня, – в голосе Костякова Татьяне послышалась тяжесть, словно что-то рухнуло на пол в пустом пыльном подвале и отдалось эхом в огромном чёрном пространстве.

– Что случилось? – спросила она.

– Я с плохими новостями...

Она затаила дыхание, переложила трубку в другую руку. Тиканье будильника сделалось неожиданно громким и гнетущим, секундная стрелка рывками продвигалась вперёд, неумолимо выталкивая из сгустившегося вдруг пространства нечто безликовое и вместе с тем ужасающее.

– Что случилось? – повторила Татьяна, с трудом выдавливая слова.

– Юра в морге...

Таню окатило холодом.

Павел говорил что-то ещё, объяснял, но голос его исчез, заслонённый глыбой серого слова «морг».

Юрий в морге. Юрий Полётов в морге. Значит, он умер, перестал существовать, прекратился, исчез. Не прозвучат больше его беспощадные слова, такие жестокие по своей правдивости и прямоте. Не услышит никто больше и его нежных слов, равных которым не нашлось бы во всём мире. Юрия больше нет. Его тело лежит в морге.

Всё это промелькнуло в голове с пугающей ясностью.

– Не верю, – прошептала Таня. Её сердце билось медленно, каждый удар гулко отдавался в ушах, причиняя физическую боль. Как же так? Жизнь только-только наладилась...

– Тебе надо приехать на опознание, – донеслось из трубки. – Только...

– Что «только»? – Таня проследила глазами за одеялом, соскользнувшим на пол с её согнутых в коленях ног. Если Юра мёртв, он никогда больше не коснётся её ног поцелуем, никогда. – Что «только»?

– Дело в том, что он изуродован до неузнаваемости. Я сам ещё не был там, не видел, но так сообщили...

– Изувечен? Что же произошло?

– Таня, ты меня не слушала? Я же говорю: авария...

– Странно, – Таня опустила ноги на пол и подняла упавшее одеяло, – странно... Я понимаю... То есть я ничего не понимаю...

– Я заеду за тобой, – сказал Павел, и в трубке прерывисто запищало.

Таня сидела без движений.

Вот как всё получилось. Едва жизнь начала входить в семейное русло, как всё вдруг оборвалось. Утро было совершенно обычным, Юрка ушёл из дома, закрыл за собой дверь и не возвращался. И вот теперь не возвратится никогда.

Очень странно. Он был весёлым, наполненным жизнью, а теперь – морг... Это не могло быть правдой. Человек, имя которого стало за последний год одним из самых популярных, человек, успевавший бывать всюду и со всеми, вдруг перестал быть. Осталось только его имя.

Татьяна поёжилась. Где-то в глубине её живота брызнула какая-то ледяная струя, в считанные секунды превратившаяся в мёрзлый жгучий ком. Таня повертела телефонную трубку и, будто испугавшись чего-то, бросила её на аппарат.

– Не может быть...

Когда приехал Павел Костяков, она всё ещё не оделась. Она встретила его в нижнем белье и заметила, как он смутился, увидев её красивую полуголую фигуру. Смутился, отвёл взгляд, беззвучно пошевелил губами, дёрнул щекой.

– Я подожду внизу, – поспешил сказать Павел и сразу ушёл, так и не подняв глаз, – буду в машине.

Морг запечатлелся в памяти бесконечным коридором, увязшем в ухающих отзывах шагов.

– Если станет дурно, – предупредил Татьяну санитар, – вот нашатырь. – И сразу добавил: – Собственно, вы ничего не опознаете. Лицо у него просто в лепёшку от удара… Можно и не смотреть вовсе… Разве что какие-то татуировки должны быть на руках или шрамы…

– Какие татуировки? – Таня посмотрела на потолок мутными глазами. – Не было у него никаких татуировок. А шрамы были на левой руке, да, на предплечье…

– Там кожа содрана с мясом… Ну, если других особых примет нет, то опознавать нечего, – ответил санитар. – Там просто тело, много содранной кожи, кости сломаны на руке, открытый перелом…

– Вы прекратите когда-нибудь языком мести или нет? – прорычал сзади Павел Костяков.

Помещение было просторным и холодным. На четырёх металлических каталках лежали голые тела. В приглушенном синеватом свете фонаря, тихонько гудевшем в дальнем углу, трупы выглядели неестественно белыми. В воздухе плавала безжизненность и расплывчатое эхо.

– Сюда проходите, – послышался чей-то голос.

Таня увидела шагнувшего из-под синего фонаря худого человека в мятом зелёном халате. Она почувствовала, как Павел взял её за локоть.

– Вот…

Громко, почти как выстрел, щёлкнул выключатель, и над ближайшей к Тане каталкой ослепительно зажглась лампа, висевшая очень низко.

– Смотрите…

То, что должно было быть Юрием Полётовым, напоминало манекен с вывернутыми плечами, вздувшейся шеей, оторванной челюстью и рыхлой кроваво-чёрной массой вместо лица. С поразительной отчётливостью виднелись все детали мёртвого тела, каждый волосок, все поры кожи, каждый лоскут мяса. В ярком жёлтом свете особенно страшными показались Тане не рваные раны, а отёкшие коленные суставы, какие-то ненастоящие, надутые, зыбкие, как наполненные водой резиновые шарики.

Таня сразу отвернулась, почувствовав удушье.

– Не могу…

– Присядь. – Павел поддержал её обеими руками и рявкнул в сторону санитара. – Дайте стул! Быстро!

– Не могу, – повторила едва слышно Таня. – Этого не может быть… Это не он, это не он…

– Не он? – спросил санитар, – стало быть, не признаёте своего?

– Идиот, – прошептал Павел, – что тут опознавать?

– Может, какие родинки? – уточнил санитар деловым тоном. – Вот его одежда, документы…

– Покажите, – шевельнула губами Таня.

Костюм принадлежал Юрию Полётову, пиджак и рубашка были пропитаны кровью. Таня с первого взгляда узнала часы, башмаки, носки, трусы… Вчера она стирала эти трусы с охапкой прочего белья в машинке… Представив, как врачи раздевали мёртвого Юрия, она вскрикнула, взмахнула руками, будто пытаясь ухватить нечто невидимое в воздухе перед собой, и потеряла сознание.

Очнулась она в кабинете врача.

— Я взял его документы, Таня, — склонился над ней Павел.
— Чьи документы? — не поняла она.
— Юркины. Там паспорт, водительские права.
— Паша, я не верю. Это не он...

Она то и дело повторяла эти слова, пока Павел вёз её домой. Повторяла спокойно, без истерики, будто хотела убедить Костякова в том, что они только что были свидетелями жестокой мистификации.

Жёлтый свет фар выхватывал из тьмы бесконечный рой кишащих снежинок. Снежинки метались, как живые существа, бились о лобовое стекло, прилипали к нему и через секунду сметались снегоочистителями. Машина ехала медленно. Павел изредка поглядывал на Таню.

— Послушай, может, ты к нам рванёшь? Не стоило бы тебе одной сегодня оставаться.

— А завтра? А послезавтра? Тоже к вам? — Таня глубоко вздохнула. — Нет, Паша, у меня есть дом, Юркин дом.

— Если хочешь, я побуду у тебя до утра? — неуверенно предложил Павел, проводив Таню до двери.

— Нет, спасибо, поезжай домой. Марина твоя, наверное, издёргалась. А я уже в полном порядке, В морге я просто растерялась. Неожиданно всё как-то, нелепо, глупо... Но теперь я в норме. — Она грустно улыбнулась и пожала ему руку.

Она закрыла за собой дверь и остановилась. Квартира встретила её тишиной. Это была совсем не та тишина, при которой Таня укладывалась спать несколько часов назад. Теперь тишина была абсолютной, в ней не сохранилось ни намёка на привычное ожидание скорой встречи с Юрием. В эту тишину закралось беззвучное дыхание смерти — соприкосновение с величайшей из всех возможных тайн.

Таня медленно сняла шубу и, не включив свет, повесила её на крючок. Повернувшись к зеркалу, она долго смотрела на своё отражение. На фоне пространства неосвещённой комнаты её красивое лицо, подёрнутое синеватой вуалью ночи, показалось ей незнакомым, глаза необычайно расширились, губы туго сжались, кончик носа заострился, ноздри раздулись. Нервы натянуто ждали взрыва эмоций...

— Ну вот, госпожа Полётова, ваш полёт оборвался, — сказала она ровным голосом, обращаясь к своему отражению.

Утром к Тане приехало несколько бывших сослуживцев Юрия. Первым появился Павел Костяков с женой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Марина, осторожно притрагиваясь губами к холодной щеке Тани.

— Нормально. Не знаю, как должна чувствовать себя вдова, но я в норме.

— Ничего себе норма, — вздохнула Марина. — У тебя вокруг глаз чёрные круги.

— Я не ложилась спать, — Таня виновато передёрнула плечами и вдруг мрачно засмеялась: — Не с кем было!

Марина опустила глаза.

— Держись, — глухо сказал Павел и поцеловал Таню; целуя её, он почувствовал сильный запах коньяка, — что ж теперь поделать, девочка.

— Девочка, — повторила Таня.

Через пару месяцев ей исполнится тридцать лет. И теперь она одна. Юрия нет. Нет никого сколько-нибудь похожего на Юрку Полётова. Никто не может сравниться с ним. Никто не стоит даже его мизинца... Все они живы, а Юры больше нет. У неё не осталось от него ничего, кроме нескольких его книг на полке — твёрдые переплёты, коричневые корешки с серебристыми буквами. Ровный ряд книг, наполненный любовью, страданием, радостью, невероятными поворотами судьбы, сложенными, как мозаика, из событий его, Юрия, и чужих жизней...

— Держись, девочка, — повторил Павел и бережно привлёк к себе её растрёпанную голову.

Марина прошла в комнату. Её всегда смущало присутствие Татьяны, и сейчас, когда Павел обнял Таню, Марине почудилось в его движениях нечто большее, чем простое товарищеское участие.

– Паш, – шепнула Таня на ухо Костякову, – а ведь это не он. Я чувствую, что это не он лежал в морге...

Все были одеты в чёрное, как и полагалось на похоронах. Нахмуренные лица, скорбно сведённые брови, поджатые губы, неловко повисшие руки, неподвижные зрачки, потерявшие всякую теплоту от напряжённого усилия соответствовать моменту. Натянутая тишина. Все похожи на строгих кукол, не знакомых с человеческой речью и выставленных без всякой пользы в разбитой витрине магазина, запорошённой снегом. Они, называвшие себя друзьями и поклонителями его таланта, собрались огромной молчаливой толпой вокруг длинной ямы с обледенелыми краями, чтобы увидеть, как четырёхугольная земляная пасть поглотит обтянутый красными лентами гроб с телом Юрия.

Гроб был закрыт, чтобы изуродованный облик покойника никого не смущал. Юрий Полётов покидал этот мир безлиkim, совсем не таким, каким был в жизни.

Люди, знавшие Полётува только как журналиста и писателя, с непониманием смотрели на стоявших чуть в стороне четырёх молоденьких солдат почётного караула, с автоматами за спиной.

– А почему солдаты? – шелестели слова недоумения. – Будет салют? Разве он был военный?

Автоматчики сильно продрогли, так как приехали на кладбище задолго до начала похорон, и теперь, переглядываясь украдкой, они с нетерпением ждали, когда же гроб будет опущен в могилу и засыпан землёй.

– Может, разрешат всё-таки не стрелять? – услышала Татьяна шёпот одного из них. – Тогда чистить автомат не придётся.

Стоя ближе всех к гробу, Татьяна вспомнила, как перед похоронами ещё раз зашла в морг, чтобы взглянуть на тело. Труп был уже облачён в специально привезённый для этого костюм тёмно-синего цвета. Она не сумела заставить себя посмотреть на разбитую голову, но остановив взор на мёртвых руках, аккуратно сложенных на груди, она не могла отвести от них глаз. Восковая кожа с множеством трещин, из которых санитары не вымыли въевшуюся в поры кровь, притягивала взгляд Тани, как магнит. Она прекрасно помнила пальцы Юрия и, стоя над мертвецом, с каждой минутой уверивалась в том, что эти руки принадлежали не Юрию. И чем дольше она вглядывалась в них, тем твёрже она становилась в своём убеждении. Но документы, найденные в карманах этого человека, удостоверяли, что он был Юрий Полётов... Нет, эти коротенькие пальцы, эти худые кисти рук с бесцветной бумажной кожей не принадлежали Юрию. Но если перед ней лежал, погружённый в вечный сон, не он, то каким образом у этого человека оказались полётовские документы и одежда, в которой Юрий ушёл из дома? Куда подевался настоящий Юрий Полётов?

Таня не решилась обратиться ни к кому из товарищей Юрия со своими вопросами. Она не доверяла никому, помня слова мужа: «В моей работе нет и не может быть друзей, Танюха. У меня есть только коллеги». Если им не доверял Юрий, то Таня не могла довериться им и подавно.

И эти руки, в которых она не признала Юру, почему-то успокоили её, вселили в неё уверенность в том, что Юрий на самом деле жив...

– Татьяна Сергеевна? – негромко спросил стоявший возле неё лысоватый мужчина с пронзительными глазами и гладко выбритым начальственным лицом; он будто спрашивал разрешения на то, чтобы приступить в процедуре погребения.

— Да, конечно, пожалуйста, — пробормотала она, и мужчина махнул рукой, подавая знак людям в синих спецовках.

Таня повернулась и пошла прочь, не дожидаясь, когда гроб опустится в стылую землю.

— Татьяна Сергеевна, — окликнул её кто-то, но она не повернулась.

Что ей до этого незнакомого бездыханного тела, запрятанного в лакированный деревянный ящик? Она не узнавала его, она не узнавала себя. Собравшиеся проводили её растерянными взглядами, но остались стоять на месте до окончания погребения. Точь в точь траурная сцена из «Коричневой зимы» Юрия Полётова, подумалось Тане, — неподвижные мрачные куклы в длинных чёрных одеждах, похожие на зимние деревья с обрубленными ветвями. Зачем пришли на кладбище сослуживцы Юрия, не верившие в его литературный талант? Они считали его чудаком до того момента, покуда известность не обрушилась вдруг на него лавиной со всех сторон. Кому нужно теперь их показное трагическое молчание на морозе? Здесь должны были собраться только те, кто ценил творчество Юрия, кто любил его книги, а всем остальным тут не место...

За спиной сухо треснули выстрелы, им слабо поддакнуло эхо. Ещё залп...

— И салют ваш не нужен Юрке, — пробормотала Таня, шмыгая носом.

Она вышла за чугунные ворота и направилась к своему припудренному пушистым снегом автомобилю, взглядавшись в многочисленные отпечатки на снегу, будто силясь выявить среди них следы Полётова.

— Что же случилось? — прошептала она. — Где Юрка?

И тут она зарыдала, громко, надрывно, давясь кашлем.

Что она знала о Юрке, этом странном человеке? Пожалуй, ничего, кроме того, что он рассказал в своих книгах. Но что из написанного было правдой, а что — вымыслом?

Когда на девятый день к ней заехал Павел Костяков, она была одна.

— Ты что? — Он откровенно удивился, оглядывая квартиру. — Ты не отмечашь девять дней?

— Зачем? Что тут отмечать? Разве это праздник? Я бы и после похорон не устраивала поминок, но вы меня взяли в такой оборот, что я и сообразить не успела. Я уехала с кладбища, думала отсидеться одна, но вы все примчались сюда, потащили меня куда-то, а там — столы, водка...

— Но девять дней! — Павел изумился. — По православному обычай надо...

— Не желаю! Не хочу поминок! Я не верю, что он умер! Не верю!

Костяков осторожно привлёк Таню к себе и вкрадчивым голосом, словно вёл беседу с тяжелобольным человеком, проговорил:

— Танюша, мы его похоронили. Разве ты не помнишь?

— Я всё хорошо помню. И я не нуждаюсь ни в какой психологической поддержке. Я сама психолог.

— Знаю. Но ты сейчас мыслишь неадекватно...

Он погладил её по плечам.

— Таня, девочка...

Из неё вырвался протяжный горестный стон. Она уронила голову на плечо Павла и заплакала.

— Если бы ты знал, как мне пусто здесь все эти дни, — пробормотала она, всхлипывая.

— Успокойся...

Она почувствовала его губы у себя на шее, но не сразу обратила на это внимание. Затем Павел взял обеими руками её лицо и припал к её рту. Её глаза широко открылись, полные слёз и недоумения, и она рывком отстранилась.

– Ты что? Ты спятил! – её голос сорвался.

– Таня, я просто хочу успокоить тебя, – он снова шагнул к ней.

– Не подходи!

– Таня...

– Паша, не гневи Бога. И меня не гневи. Я изорву тебе всё лицо. Уверяю тебя, что Марина не поверит в твою легенду, будто я в безумии сама пыталась изнасиловать тебя, а ты стойко сопротивлялся.

Татьяна посмотрела на него с такой ненавистью и такой решимостью, что широкоплечий Костяков отступил к двери.

– Я всегда хотел тебя, мечтал о тебе и завидовал Юрке, – удручённо проговорил он. – Может, я любил тебя... Я подумал, что сейчас ты нуждаешься...

– Не будь сволочью, Паша. Ты же называл себя другом. Как же ты можешь? Вот так сразу? – её рот презрительно скривился, но её лицо не стало от этой гримасы менее привлекательным. Наоборот, этот высокомерный взгляд сделал Татьяну в глазах Павла Костякова ещё более желанной.

– Не надо так говорить, Таня, не надо. Ты прекрасно знаешь, что мы с Юрием служили вместе, – он шагнул вперёд. – Между нами сложились хорошие отношения, но ведь ты знаешь, что в разведке...

– Не бывает друзей, – закончила она фразу. – Юрка повторял эти слова не раз. Для меня повторял. Хотел, чтобы я затвердила их... Но это не даёт тебе права набрасываться на жену своего недавнего товарища, едва у тебя встанет на неё член! – Голос Татьяны сделался стальным. – Уходи, Павел! Убирайся и не звони сюда никогда. И пусть никто из ваших не звонит мне. Вы мне не нужны! Ни вы, ни ваши шпионские страсти! Ненавижу вас!

Детство Тани Зарубиной прошло в Париже, где её отец возглавлял отделение крупного российского банка. Вернувшись в Москву, девочка долго не могла смириться с тем, что Франция – чужая страна. Узкие парижские улочки, тесно забитые припаркованными автомобилями, были ей роднее московских проспектов, французская речь казалась милее русского языка, и первое время Таня демонстративно говорила по-русски с французским акцентом. Но довольно быстро она смыкалась с мыслью, что Франция осталась в прошлом, вжилась в новую атмосферу, полюбила Москву. После летних каникул она пошла в школу, обзавелась подругами и друзьями. Она легко находила общий язык со своими сверстницами, была заводилой в детских компаниях, выделялась в своей среде и обычно занимала главенствующее положение, мягко подчиняя себе не только девочек, но и мальчиков. Когда на её двенадцатилетие пришли гости, отец с приятным удивлением обнаружил, что его дочь выгодно отличалась от подруг.

– В ней угадывается элегантность будущей женщины, – сказал он жене. – Пожалуй, она будет сногшибательно красива, когда подрастёт.

– Ещё бы! – жена многозначительно фыркнула. – Моя порода!

Сергей Анатольевич ухмыльнулся и подумал: «Порода! Эх, Люда, порода твоя ровно в столько денег оценивается, сколько я даю тебе на твою косметику, шубы и шёлковое бельё. Что бы ты представляла собой сейчас, если бы я не подобрал тебя в своё время в ночном клубе, где ты тряслась на сцене своими молодыми сиськами?» Но вслух он сказал:

– Да, с породой Таньке повезло.

Он провёл ладонью по открытой шее жены. Ему нравилось, когда Людмила забирала волосы наверх, у неё была удивительная шея, лебединая, нежная, влекущая. Пожалуй, в том ночном клубе, о котором вдруг вспомнил Сергей Анатольевич, в молоденькой стриптизёрше его привлекла именно шея и охапка поднятых к затылку каштановых волос, а не стройные ноги, не поджарый живот, не упругие груди. Он был тогда уже солидным бизнесменом, смот-

рел на юных девиц, как на товар, и к Людмиле отнёсся поначалу так же; но однажды он обнаружил, что основательно привязался к девушке, и предложил ей, сам себе удивившись, стать его женой.

Он стиснул пальцы на шее жены.

– Сергей, прекрати, – она отстранилась от его руки. – Дети увидят.

– Дети… – проговорил он, – сколько им, беднягам, ещё предстоит увидеть… Порода, говоришь?

Людмила бросила на него подозрительный взгляд:

– Что-нибудь не так?

– Всё так, дорогая. Всё именно так и никак иначе. В этом и есть мудрость жизни: всё идёт только так, как должно идти. Несчастлив тот, кто не понимает этого.

Он прошёл через комнату, где девочки, сбившись в кучку, ворковали о платьицах и туфельках. Таня сидела на диване, положив ногу на ногу, и беседовала с одной из подружек.

– Я буду путешественником, – убеждённо говорила она, водя руками перед собой и изображая тем самым неведомые дали чужих стран. – Когда вырасту, привезу бабочек из всех краёв света. У меня везде будут красивые бабочки за стеклом. И ещё повешу на стену много африканских масок с цветными перьями. Я очень люблю всякие маски. А тебе нравятся маски? Когда человек надевает маску, он перестаёт быть собой. Я прочитала это в одной книжке. Ты любишь читать? Нет? А я люблю читать и люблю истории, поэтому я хочу стать путешественником. Только я не люблю летать на самолётах. Они похожи на консервные банки с крыльями…

В тот год на майские праздники на дачу к Зарубиным приехал Николай Петрович Полётов с сыном Юрием. Мать Татьяны прошептала на ухо дочери:

– Танечка, у Юры недавно умерла мама, будь к нему повнимательнее.

– Умерла? – Для Тани смерть была абстрактным понятием, немного пугающим, но не настоящим, а отстранённым, чем-то таким, что больше относится к книгам, а не к жизни, к книгам с грустным концом. Но Юра был не персонаж из книги, а живой человек, и слово «смерть» никак не увязывалось с ним. Однако раз его мама умерла, значит, он соприкоснулся со смертью, познал нечто таинственное и необъяснимое, вошёл в мир, куда Тане вход был ещё воспрещён. Она смотрела на Юру как на существо особенное. Вдобавок к этому, он был на два года старше неё, а для подростков каждый год – вечность.

Полётовы гостили у Зарубиных три дня. Юра и Таня проводили время в беспрестанной болтовне, рылись в залежах книг, извлекали из перевязанных шнурками пачек журналов какие-то рассохшиеся древние издания, радовались своим неожиданным находкам. Юра бегло проглядел заголовки, читал фамилии под старинными фотографиями и сразу начинал рассказывать Тане невероятные приключения, в которых принимали участие запечатлённые на тусклых фотоснимках люди. Девочка слушала с раскрытым ртом, совершенно не понимая, как в его голове помещалось столько всевозможных историй. Она не могла определить наверняка, что в его рассказах было правдой, а что – вымыслом, всё казалось правдой, но слишком уж удивительной.

Перед отъездом с дачи Юра сказал:

– Ну, Танюха, счастливо! Буду наведываться к вам от случая к случаю, подкармливаться, а то папа мой улетает в командировку.

– А приключения рассказывать будешь?

– Обязательно.

– Тогда наведывайся, – согласилась она с удовольствием.

Таня виделась с Юром редко. Заезжая к ним, он проводил у них часок-другой, не дольше. С каждой встречей они становились старше, но если Юрий казался ей по-настоящему взрослым парнем, то она виделась ему маленькой девочкой. Юра смотрел на Таню чуть покровительно, она же – мечтательно и немного боязливо.

Затем Юрка исчез, за два года не пришёл к Зарубиным ни разу.

Потом он появился без предупреждения на очередном дне рождения Тани.

– Всем привет! – гаркнул он с порога, вручая Тане охапку ромашек. – А вот и я. Не ждали? Так, кажется, вопрошал незабвенный Илья Репин?

Он очаровал всех гостей. Лариса Краснова и Маша Фролова, две ближайшие подруги Тани, были потрясены тем, что у неё, оказывается, был взрослый знакомый парень, из которого нескончаемым потоком лились красивые слова и который показался им героем, шагнувшим в их общество прямо с киноэкрана. Маша и Лариса влюбились в Полётова с первой же минуты и буквально не отрывались от него в течение всего вечера, из-за чего Таня после этого не разговаривала с ними целую неделю.

А Юрка беззаботно хохотал:

– Молодёжь, не пришпоривайте время! Всему свой час.

Девочки обиженно морщили носики:

– Ты считаешь нас салагами? Между прочим, нам уже почти шестнадцать!

– Бедняжки, совсем старухи, – улыбался он в ответ.

Уходя, он поцеловал Таню в раскрытую ладонь и сказал, глядя ей в глаза:

– А ты хорошешь, малыш.

– Но тебе больше понравились эти две... – Она осеклась и отверла взгляд.

– А ты неужели ревнуешь? Но ведь мы просто друзья, Танюха, я же тебе вроде брата.

Или я чего-то не знаю?

– Да, вроде брата, – она обиженно сжала губы. – Только мне сегодня уже исполнилось шестнадцать, а этим двум ещё полгода до шестнадцати тянуть.

– Это круто меняет дело, – Юра кивнул с видом глубокого сочувствия, но Таня видела, что в глазах его плясали озорные смешишки.

– Ты меня серьёзно не воспринимаешь, – пожаловалась она.

– Воспринимаю. Но я, Танюха, смотрю на вещи иначе, потому что опыта у меня всё-таки побольше твоего будет, – теперь Юра не смеялся. – Между прочим, ты могла бы поздравить меня с поступлением в институт.

– Поздравляю. Сейчас ты уйдёшь и пропадёшь в круге своих друзей... и подруг... Да, да, подруг. Я же вижу, как ты... как на тебя все глазами зиркают!

– Не ревнуй, тебе рановато.

– И станет тебе совсем не до меня, – продолжила она с нескрываемой грустью. – Уйдёшь и пропадёшь. Исчезнешь, как два года назад...

Так оно и случилось. Он снова исчез. Как-то раз она осмелилась набрать номер его телефона, но никто не поднял трубку.

Минул год, Татьяне исполнилось семнадцать лет. От Полётова не было никаких известий, и он быстро затерялся в круговороте еёисканий, увлечений, переживаний. За последние полгода она дважды успела влюбиться и оба раза без сожаления рвала отношения, чем безмерно удивляла подруг. Теперь она была увлечена каким-то рок-гитаристом, с которым случайно познакомилась на его концерте, где её едва не затоптала толпа одуревших от музыки зрителей.

Но однажды Татьяна увидела Юрку во сне и очень обрадовалась. Он шагнул к ней из темноты, одетый в длинную чёрную мантию, поцеловал в губы, страстно и долго, как в кино, и сказал:

– Я ухожу, малыш, но я обязательно вернусь к тебе. А ты пока взрослей и не летай на консервных банках с крыльями.

На поясе у него сиял длинный кинжал с инкрустированной рукояткой. Ножны кинжала были украшены золотой арабской вязью. По обе стороны от Юры стояли огромные псы, заросшие длинной чёрной шерстью. Они лениво помахивали тяжёлыми хвостами. Их горячие пасти

были разинуты, и оттуда свисали набок длинные красные языки, раздвоенные на конце, как змеиные, и блестящие от обильной слюны.

– Зачем ты уходишь? – спросила Таня.

– Мне надо скрыться. Ведь я не тот, за кого выдаю себя...

Он натянул на голову неизвестно откуда взявшуюся чёрную маску, и маска туго прилипла к его лицу, будто впитавшись в кожу. Чёрная одежда сделала Юрку абсолютно невидимым во тьме.

Бездонное пространство шевельнулось, и Таня поняла, что она находится внутри гигантского существа, которое, должно быть, поглотило её и Юрку. Но что это за существо? Зачем оно бросило их в свои непроглядные глубины? И почему именно их вдвоём?

В следующее мгновение какая-то неведомая сила энергично вторглась в тело Тани. Сила имела форму и размеры, но девушка не могла определить их. Она лишь ощущала, как нечто неодолимое вливалось в неё снизу, вливалось, как поток очень тёплой воды, вливалось мягко, усыпляющее, но вместе с тем это нечто было плотное, как земная твердь. Оно толкало Таню, встряхивало её, растягивало, едва не разрывало между ног. Девушка мчала, истаивала под напором силы, выворачивалась наизнанку, стремясь отиться натиску целиком, чтобы не осталось ни единой клеточки тела, не испытавшей буйного наслаждения, не то убивавшего её, не то возрождавшего её из небытия.

Вокруг продолжала клубиться непроглядная тьма, не было рядом никого, но Таня почему-то точно знала, что виной происходившего был Юрка. Это из него изливалась неведомая сила, сладко терзаящая Таню.

И вдруг всё прекратилось разом. Пространство сделалось неподвижным, колыхание исчезло, инородная сила, распирывшая девичье тело, уплыла во тьму.

Таня испугалась и закричала:

– Юрка, не уходи! Не уходи!

От этого крика она проснулась. Сердце учащённо колотилось. Её шея была напряжена так, как если бы девушка кричала на самом деле. Некоторое время она сидела в кровати, обхватив колени руками, и вслушивалась в себя, в гул своего тела. Из-за распахнутого окна доносились шумы летней ночи. Постепенно, убаюканная шелестом листвы, Таня вновь погрузилась в сон...

СТУПЕНИ

Юра Полётов рос домашним ребёнком, окружённым неотступным вниманием матери. Её заботы настолько плотно охватывали Юрика, что временами ему начинало казаться, что мать ненавидела его и в действительности не беспокоилась о нём, но наоборот, издевалась над ним, выставляла беспомощным дурачком в глазах окружающих. Вечерами мать стояла над ним и, оскалившись по-собачьи, проглядывала тетради с домашним заданием, выискивая ошибки, за которые готова была наброситься на сына с язвительными замечаниями.

– Ты опять тройку схлопотал? Что у тебя, мозги отсутствуют? А ты подумал, как я буду смотреть в глаза нашим друзьям? У всех дети как дети, учатся прилежно, а мне достался сын-треочник, лентяй! – шипела она, источая ненависть.

Ей достался сын! Она говорила о нём, как говорят о неудачной покупке.

Юрка не мог понять, почему мать должна была стыдиться его троек. Разве она ходила в гости с его тетрадками? Разве об этом кричали на улицах? Кому вообще было дело до его отметок? Все вокруг замкнуты в себе. Если у его одноклассников было ещё что-то общее, хоть какие-то темы для разговора, то другим было решительно наплевать на Юрку. Он чувствовал себя одиноким. Все вокруг либо надевали маску равнодушия, либо проявляли злобу. К числу последних относились и его мать. Её нетерпимость к людям не знала границ. Юрий не мог понять, как отец уживался с нею.

Как-то летом мать уехала куда-то на курорт, а через несколько дней пришло известие, что она утонула, свалившись за борт во время морской прогулки на катере. Юре не пришлось увидеть её бездыханного посиневшего тела, отец не повёз его на похороны, желая оградить от тяжёлых впечатлений. Юрка вообще узнал о смерти матери уже после похорон, и в его тринадцатилетней голове гибель её приняла форму какой-то бесконечной поездки на солнечное морское побережье. Мать ушла из дома с чемоданчиком в руках, чмокнув на прощание в щёку, и не вернулась.

Позже, оглядываясь на своё детство, он не мог сказать с уверенностью, что любил мать. Пожалуй, не было в нём этого чувства. Но присутствовало нечто иное по отношению к ней – желание родства, единства. Он помнил, что мог всегда прийти к ней и ткнуться лицом в её плечо или грудь, спрятаться в складках её одежды, несмотря на прогремевшую за несколько минут до этого её брань. Ему думалось, что он мог найти у матери убежище от любых бед. Пусть она не могла в действительности спасти или оградить от опасностей, но она умела пожалеть, и Юрке это казалось настоящей помощью, пониманием.

Отец никогда не жалел его и не произносил нежных слов, он требовал от Юрки терпеливости. Отец был скалой, непоколебимой силой. Так казалось Юре. Он не знал, сколько приходилось терпеть его родителю, сколько приходилось преодолевать всевозможных унижений, чтобы устоять на своём посту. Юрий не знал и не мог знать, ведь отец никогда ни о чём не рассказывал. В сущности, Юрий ничего не знал об отце. Николай Петрович всегда выглядел уверенным в себе, спокойным и даже немного равнодушным ко всему происходившему вокруг. Создавалось впечатление, что этому лысоватому человеку среднего роста всё ни по чём, что сам чёрт был ему братом и охранял от невзгод. Но то была лишь видимость.

– Жизнь, Юрка, это такая любопытная штука, что ахнешь. Но важно помнить, что пасть у жизни не чета девичьим губкам. Пасть её подобна разинутому капкану. Если сделаешь неверный шаг, то капкан на тебе защёлкнется, – смеялся Николай Петрович, подбадривая сына. – Главное для нас с тобой не раскисать никогда. Ведь мы – мужики, а это ко многому обзывают.

– Не плакать и не раскисать? – уточнил Юра. – Это я понимаю, не маленький уже.

Юрку определили в интернат через год после смерти матери. Николай Петрович улетал в долгосрочную командировку в Перу и не мог взять сына с собой.

— Ты тут держись молодцом, — сказал отец на прощанье, стоя в шумном зале аэропорта. — Не грусти. Время мчится быстро, иногда даже быстрее, чем это показывают часы. У тебя сейчас самый интересный период наступает. Ты только не спеши, не гони лошадей. Приглядывайся ко всему, не хватайся сразу за всё, что увидишь.

— Ты на что намекаешь, пап? Сигареты имеешь в виду, что ли? — Юрка хитро прищурился.

— И сигареты тоже. Вся эта глупость только кажется привлекательной, сынок. Но глупость остается глупостью. Ни сигареты, ни вино не сделают тебя взрослее. Глупее могут сделать, это запросто... Впрочем, я уверен, что тебе хватит ума вести себя разумно. Ты не должен попасть в капкан. Я тебе доверяю. Будь здоров. — Отец не стал целовать Юрку на прощанье, просто пожал ему руку по-мужски и быстро направился к толпившемуся возле паспортного контроля людям.

— Будь здоров, — шепнул Юрка в ответ и почувствовал, как горький комок свернулся у него в горле. Впервые в жизни мальчик оставался один на один с чужими людьми. Вспомнился отъезд матери на солнечный берег моря, с которого она так и не вернулась, и в голове ослепительной молнией мелькнула мысль: а вдруг и папа тоже не вернётся? Юрка весь похолодел, зажмурился, как бы желая скрыться от накатившего на него страха, и потряс головой. — Нет, всё будет хорошо...

Интернат стал для мальчика настоящим откровением. Жизнь неожиданно повернулась к нему, выросшему в домашнем уюте, лицом, о котором он не имел ни малейшего понятия. Конечно, Юрка видел в кино, как дрались ковбои и всякие супермены и как разлетались под ритмичную музыку брызги крови и битая посуда, но те картинки не имели никакого отношения к реальности. Юрка твёрдо знал, что всё это было вымыслом, отменно изображённым на киноэкране знаменитыми актёрами. Он был уверен, что в настоящей жизни никто не ведёт себя так.

Интернат убедил его в обратном. Грубость, жестокость, беспощадность — первое, с чем Юрка столкнулся.

Валентина Константиновна, старший педагог, подвела Юрия к высокому парню, волосы которого были похожи на мокрую меховую шапку, и сказала:

— Станислав, познакомься с Юрием, он будет жить в твоей комнате.

— Стасик, — представился новый знакомый Юры, протягивая руку.

Через пару дней неписанный интернатский закон назначил новичкам «утюжку». Ничего не подозревавший Юрка пошёл по длинному коридору по протоптанной до дыр ковровой дорожке к боковому выходу, который вёл на задний двор, уже погрузившийся во тьму осеннего вечера. Человек двадцать ребят, собравшихся возле трухлявого деревянного забора, встретили его появление дружным гомоном.

«Утюжка» заключалась в банальном избиении новичка. Каждого новенького обычно лупили всем гуртом, оценивая его реакцию, выясняя его характер и определяя на будущее его место в интернатском сообществе. Иногда новоприбывший отвечал кулаками и давал настоящий бой, но такое случалось редко. Чаще всего избиваемый просто закрывал голову руками и сворачивался калачиком, истекая соплями, слезами и кровью.

Первым на очереди оказался Ванька Бурлак, тоненький, но очень жилистый паренёк с коричневыми болячками на руках, пришедший в один день с Юрием. Он стоял, наклонив белобрысую голову и глядя на окружавших его парней холодными, как лёд, глазами. Выражение его лица говорило о полной решимости держаться до конца.

— Кто первый? — прошептал он каким-то бесцветным голосом. Его вопрос пробудил в Юрке странные чувства. Он привык к самым разным интонациям, слушая истеричные вопли матери, когда она ссорилась с отцом, но никогда не слышал, чтобы из человеческих губ сочилось настоящее змеиное шипение.

Вперёд шагнул коренастый Сашка Сибиряк и, обернувшись к приятелям, засмеялся:

— Этот, похоже, скулить не будет. Пока не суйтесь, я сам хочу помять его.

В одно мгновение вся площадка ожила, загадела, взвилась хлещущим ветром устрашающих выкриков. Сжав кулаки, Ванька и Сибиряк бросились друг на друга, как два безумных пса, охваченные желанием рвать и калечить. Ничего человеческого не осталось в их лицах. Плотное кольцо зрителей то замолкало, то принималось орать с новой силой, взирая на жестокий бой, жадно втягивая запах пота и быстро появившейся крови.

– Ну-ка, влепи ему как следует! Что ты мнёшься? Залуди ему по самые помидоры!

Качнувшийся от порыва ветра электрический фонарь привлек внимание Юрия. Голубоватый свет лампы загипнотизировал его, полностью оторвав от драки. Свет лился какой-то безжизненный, совсем не соответствовавший дикой стремительной жизни, клубившейся под фонарём. Никогда прежде Юрий не видел такого света или просто не замечал. Он существовал отдельно от всего, независимо от происходившего вокруг. Он, этот голубой свет, такой мёртвый, но такой красивый, с полным равнодушием и невероятной живописностью рельефно обрисовывал любую фигуру, попадавшую в его холодный круг.

Юрка перевёл глаза на рычавших ребят. Первый яростный порыв прошёл. Теперь враги дрались осторожнее. На щеке Ваньки темнела кровавая полоса, разорванная кожа болталась на комьях мяса. Голый кулак не мог нанести такой раны. Юрка услышал возгласы изумления и насторожился. Он мало смыслил в кулачном бою, но всё же понял, что дело приняло крутой оборот. Сибиряк явно пользовался чем-то недозволенным.

– Брось железку, Сибиряк! – крикнул кто-то. – У нас же утюжка! Кастеты запрещены! Слышишь?

Толпа ринулась на драчунов. Ещё секунда – и произошла бы общая свалка. Но Ванька, недавно выставленный в качестве жертвы, вдруг громко скомандовал уже знакомым Юрию змеинным шипением:

– А ну назад! Все назад. Не мешать!

Мальчишки поспешили расступиться, повинувшисьластному голосу.

– Брось кастет! – прошипел Ванька в лицо Сибиряку, и тот разжал кулак. Металл звонко ударился об асфальт.

Бой возобновился. Противники, выждав несколько секунд, принялись с новой силой осыпать друг друга быстрыми ударами. Казалось, прошла целая вечность, когда вдруг послышался громкий хруст, и правая рука Ваньки беспомощно повисла. Кость была сломана. Все слышали, и все поняли. Сибиряк набросился на раненого противника, как голодный лев. Но Ванька, ошелев от сыпавшихся на него ударов, не только не сдался, но даже ещё больше рассвирепел и принял колотить врага одной левой рукой с удвоенной силой.

– Пацаны, он его сейчас уроет! – донеслось до Юрки.

Не менее трёх пар крепких рук вцепились Ваньке в плечи и в голову, оттаскивая от Сибиряка. Юрий увидел под Ванькой что-то кровавое, мягкое, отвратительное, не имеющее ничего общего с человеческим лицом. А Ванька Бурлак всё бил и бил одной левой.

– Ещё хочешь? – кричал он, когда его отдирали от жертвы.

Юрий запомнил этот крик. Он запомнил также, как его самого вытолкнули на середину круга. В память врезались бледные лица и сверкающие глаза. Юркино воображение легко дорисовало увиденное и превратило искажённые мальчишечи лица в свирепые разбойничьи морды. Он же был – последний воин павшего в кровавой битве отряда. Он устал, сломал свой меч, потерял шлем. Он дрался весь день и всю ночь. Теперь он не желал драться. Он был готов принять смерть от первой поднявшейся на него руки.

Юрий громко вздохнул и вскинул голову, глядя прямо перед собой. Впрочем, блеск в глазах окружавших его ребят был уже не тот, что в начале «утюжки». Многие были испуганы. Похоже, беспощадная ярость Ваньки произвела на всех неизгладимое впечатление.

И тут ребят распихал только что прибежавший Станислав:

– Юрец, как ты? Эй, парни, кто Юрца тронет, будет иметь дело со мной.

Кулаки Стаса были известны всем. Никто никогда не перечил ему. Юрий так и не узнал, почему Стас встал на его защиту. Возможно, по той единственной причине, что они жили в одной палате. Интернат жил своими понятиями товарищества и родства.

– Юрца не трогать! – повторил Стас. Голос его показался Юрию слишком тонким и абсолютно невыразительным для такого серьёзного заявления. Тем не менее Стаса услышали все. Вечер гладиаторских боёв закончился. Юрке показалось, что все даже облегчённо вздохнули, согласились на прекращение «утюжки» с готовностью.

Перед сном, пока Стас неторопливо чистил зубы в гулкой умывальне с десятью раковинами, Юра торопливо открыл лежавшую в выдвижном ящике тумбочки тетрадь и быстро записал туда: «Фонарь, мёртвый свет, голая ветвь с одиноким жёлтым листком, двое на четвереньках, руки и ноги не различить, кровавые шарики в пыли, белая сталь, белый осколок кости». Затем он вздохнул и прыгнул на визгливые пружины кровати.

Стас взял Юру под свою опеку, и территория интерната превратилась в абсолютно безопасное для Полётова место. Улица же оставалась зоной дикой враждебности, где правили иные длинноволосые авторитеты. Всё, что находилось за высоким забором с облупившейся зеленоватой краской, источало опасность. Любая группа проходивших мимо пареньков могла без предупреждения вцепиться в ворот рубашки, наградить ударом в голову и вывернуть карманы в поисках денег. От шпаны пахло потными подмышками и грязными ртами.

Стас, имея за спиной боксёрскую школу, учил Юрия пользоваться кулаками и делился с ним опытом выживания на улицах.

– Ты, главное дело, не жди, пока тебя начнут колотить, – наставлял Стас. – Если упадёшь, то тебя просто замочат ногами. Бей первым. Если к тебе подходят несколько чуваков и спрашивают огоньку или чего-то там ещё, ты сразу прикинь, кто поближе, вмажь прямо в нюхальник и быстро делай ноги. На улице важно уметь бегать. Всё остальное – мура. Если эти козлы увидят, что ты чересчур прыткий, то не погонятся, даже если ты кому-то из них морду распёрдолил.

– Но ведь убегать стыдно.

– Ни фига не стыдно, Юрец. Стыдно на караках ползать с разбитой харей и сопли пускать. – Стас многозначительно перекатил окурок из одного угла рта в другой. – Я тебе говяного совета давать не стану. Намотай себе на кончик: надо уметь бегать.

– А как же честный бой? – Юра с серьёзным видом цедил сигарету и пускал дым себе под нос, подражая взрослым мужчинам.

– Улица полна козлов, это тебе не боксёрский ринг. Я никогда не видел, чтобы на улице дрались честно. Если ты сильнее своего врага, ты можешь быть честным, но тогда ты не станешь на него наезжать. А когда на тебя прёт с ломом какой-нибудь мордоворот, то можешь быть уверен, что он даже на нюх не пробовал, что такое честность. Когда тебя хотят урвать, то лучше всего побыстрее удрать, Юрец. Я знаю, что говорю.

Этот период времени запечатлелся в его памяти размазанными от стремительного бега многоцветными пятнами, пропитанными шумной музыкой из репродукторов в парке. Юрка дрался редко.

В те годы он много думал о девочках, но стеснялся своего малого роста. Влюбившись в какую-нибудь смешливое лицо, он всячески скрывал своё чувство и прилагал все силы, чтобы держаться незамеченным. Он ходил в кино, где на экране скакали могучие рыцари, устремляясь навстречу своим возлюбленным, и где ковбои дробили друг другу челюсти, защищая честь заезжей красотки. Эти образы надёжно отпечатывались в него, и день ото дня он видел себя в мечтах скачущим на высоком белом коне с длинным кнутом в одной руке и сверкающим револьвером в другой. Он никогда никого не убивал в своих фантазиях, но одним своим решительным видом распугивал всех недругов и обидчиков на глазах у собравшейся стайки нравившихся ему девочек. И они непременно вскидывали умиленно руки, внезапно

осознав всю свою вину за то, что раньше не замечали Юрку. Он же гордо кивал им, прощая их глупость, и уносился прочь под величественную музыку.

Оставаясь один, Юра обязательно извлекал тетрадь из стоявшей возле кровати тумбочки и записывал в неё прыгающим почерком коротенькие истории, глядя в пространство перед собой, словно следя за каким-то действием. Иногда он оставлял на странице лишь несколько фраз, которые вдруг пришли ему в голову и которые казались необычайно красивыми. Он не сумел бы объяснить никому, что заставляло его сочинять – призывный, властный голос этого почти ритуального действия был силён, но при этом был совершенно бесформенным, необузданым и не поддавался никакому анализу. Юрка просто нуждался в том, чтобы излагать свои мысли на бумаге, компоновать из них улицы и проспекты с бегущими по ним словами, пускать вслед за одними строчками другие, вслушиваясь в их шуршание, шелест, перешептывание. С того самого момента, как его научили в начальных классах прорисовывать непослушной авторучкой буквы на бумаге, он ощущал настоящую потребность в оживлении этих букв.

Откуда приходили образы? Юрий не знал. Он ничего не знал и не понимал. Он был уверен в одном: он видел то, что скрыто от других. И когда он начинал записывать что-то, его мир разрастался до необъятных размеров.

Подростковый период остался позади, когда на выпускном вечере в школе отзвучал прощальный вальс. Жизнь сразу наполнилась иным ритмом. Недавние друзья звонили по телефону всё реже и реже, у всех появились новые заботы – кто-то искал работу, кто-то поступал в институт. Надеявшиеся справиться с этими заботами пребывали в блаженной уверенности, что перед ними в недалёком будущем откроются врата в мир благополучия.

Когда вступительные экзамены были успешно пройдены, Юра отправился отдыхать в деревню к родственникам, которых называл «седьмой водой на киселе». Он почти не знал их, видел раза два или три за всю жизнь и ехал не столько к ним, сколько из Москвы, ехал подальше от прежних знакомств, чтобы подвести тем самым черту под всем, что было раньше.

– Торопишься жить, Юрка, – сказал ему на это отец. – Не сжигай мосты, оставь на всякий случай запасные аэродромы.

А Юрке казалось, что новая жизнь требовала новой точки отсчёта. Он не подозревал, что однажды ему жуть как захочется вернуться в эту прежнюю жизнь, но он не сумеет не только возвратить прошлое, но даже отыскать телефоны бывших приятелей.

До сих пор он не знал женского тела. В десятом классе он сильно влюбился в девочку по имени Аня, но не осмеливался приблизиться к своей избраннице. Они учились в параллельных классах, часто сталкивалась на переменах, но ни разу не перекинулись ни единой фразой. Мишка по кличке Фраер, заметив страдания несчастного влюблённого, решил помочь ему и спросил однажды, когда они в туалете дымили сигаретами:

– Слыши, Юрец, кто тебе нравится из наших баб?

– Ну, – Юрка пожал плечами, – много разных хорошеных.

– Нет, ты не понимаешь вопроса. Кто тебе нравится настолько, чтобы ты хотел выбирать?

Настолько Юре не нравился никто, тем более Анечка. Она казалась ему созданием нежным и ранимым, как пушистенький жёлтый цыплёнок. Он был уверен, что она сочиняла лирические стихотворения и рисовала акварельные облака. Произнесённое Мишкой Фраером слово не просто не имело к ней отношения, но оскорбляло самый образ Анечки. Юрий не любил матерную речь, она утягивала его на дно вязкого болота, но сверстники предпочитали именно эти слова – грубые, сальные, тянувшие к грязной земле.

– В общем, нравится мне одна, – неопределённо ответил Юра, – только не так...

– Чего ты бледнеешь, как салага? Знаю я, на кого ты пляшишься. Весь класс уже в курсе. Да и Анька твоя сама по тебе сохнет.

– Не может быть…

Однажды они встретились и долго гуляли, держась за руки, он нёс её портфель, набитый учебниками и тетрадями. До поцелуев дело не дошло ни в тот вечер, ни в другой. Любовь осталась воздушной. Вспоминать о ней было приятно, от воспоминаний на душе делалось тепло.

Теперь всё поменялось. Школьные декорации остались в прошлом, казалось, что вместе с ними ушло со сцены и детство. Выпускники шагнули в дверь, по другую сторону которой мир считался «взрослым», и спешно предпринимали шаги, чтобы соответствовать этому миру. Юра ничем не отличался от других в этом смысле. В качестве первого рубежа, который требовалось преодолеть на заслуженном отдыхе, было постижение женского тела. Эпоха лирики ушла. Наступила эпоха плоти.

Летом он уехал на дачу и увидел в соседнем доме Марину, стройную девушку одного с ним возраста. Она тоже отдыхала, поступив в институт, и тоже ждала новой жизни. Их желание оказалось взаимным. Юра чувствовал себя довольно уверенно и Марину воспринимал, как если бы она была поднесённым ему подарком за удачно пройденный отрезок жизни.

Их первая прогулка закончилась тем, что он увлёк девушку в заросли орешника, подальше от дачного посёлка, поближе к дикой земле, покрытой жёсткими стеблями густой травы. Там, в прохладной тени, усеянной мелкими солнечными брызгами, они оба впервые занялись любовью, делая это неуклюже, барахтаясь, как подброшенные высоко в воздух лягушки. Но день изо дня их движения становились более уверенными, понимающими, и к моменту расставания в глазах Юрия уже не осталось и следа от смущённого нетерпения неопытного подростка.

Время стремительно набирало обороты, шлифовало характер Юры Полётова, обрисовывало его тонкой вязью всё новых и новых качеств, закладывая зёрна, многим из которых предстояло дать всходы лишь через десятки лет.

Если бы не страсть Юрия к литературе, то можно было бы сказать, что он ничем не отличался от большинства своих сверстников. Как и большинство, он любил веселиться, танцевать, смеяться, флиртовать. Но воображение Юрия не выключалось ни на минуту, он творил даже тогда, когда под рукой не было бумаги и авторучки: он выстраивал в уме ситуации, лица, движения, звуки – всё это укладывалось в его сознании плотными слоями и никогда не забывалось. Иногда придуманная месяц назад коротенькая история всплывала из слоистых глубин памяти, когда он работал над совершенно другим сюжетом, и оказывалось, что именно этой маленькой истории сейчас и не хватало для того, чтобы сделать сюжет полноценным.

Юрий жил в своё удовольствие, не отдавая себе отчёта в том, что его удовольствие и было его работой. Работая, он наслаждался, а наслаждаясь – трудился. Каждое мгновение переосмысливалось им, разнималось на части, перетасовывалось, переиначивалось, проживалось заново и в конце концов превращалось в продукт литературного творчества. Мир служил ему необъятной палитрой, где черпались неожиданные, порой вовсе не существовавшие в природе краски. А совсем ещё юный возраст, одной из главных особенностей которого является неуёмная тяга к противоположному полу, придавал самым обыкновенным отношениям с девушками удивительный вкус, поражающий постоянной новизной.

Связь с Катериной Кинжаловой была нелепейшей из всех, которые когда-либо складывались у Юры. С Катей он был знаком с раннего детства; виделись они от случая к случаю, когда их родители ходили в гости друг к другу. Но пришла пора любовных похождений, и Катя стала встречаться с Юрий чаще. Между ними не возникло любви, но дружба перестала быть дружбой, переродившись в чувство, значительно больше напоминавшее любовный флирт. Звучало много интригующих слов, происходили откровенные беседы, но ни о каком физическом контакте речи никогда не заходило, будто он был просто невозможен между давними друзьями.

Однажды её родители уехали в отпуск, и она пригласила Юру в гости.

— Можно с ночёвкой, если ты никуда не спешишь, — уточнила она, не вкладывая в это никакого заднего смысла. — Посидим, выпьем, поговорим.

В каждой из трёх комнат стояли пепельницы, заваленные окурками. Раздавленные сигареты высыпались из них на стол и на пол.

— Похоже, у тебя был пир, — сказал Юра.

— Гуляли, — подтвердила она.

— А убрать мусор тебе ломотно, что ли? — усмехнулся он, бесцеремонно оглядывая фигуру девушки с ног до головы. Она была в лёгкой блузке синего цвета и короткой белой юбочке, вызывающе обтягивавшей круглую девичью попку. Попка у Катерины была замечательной, равно как и грудь, отличавшаяся редкой для семнадцатилетнего существа пышностью.

Она постелила чистые простыни на широкой родительской постели, заботливо взбила подушки, облачилась в длинную ночную рубаху с кружевными оборками на просторных рукавах и ушла в соседнюю комнату играть на пианино, покуда Юра устраивался на кровати. Поведение давней подруги не вызвало у него вопросов. Если она решила провести ночь с ним в одной постели, значит, так тому и быть. Женщина полна загадок, как сказочный лес Авалона.

— Ты долго еще будешь бренчать? — крикнул он, потягиваясь на прохладной простыне.

— Иду.

Катерина вошла в комнату абсолютно спокойная с виду, хотя в её глазах Юра заметил напряжение. Она легла не сразу. Сначала присела на край кровати спиной к юноше. Он осмотрел её прямую спину под нежной полупрозрачной тканью. Затем она, будто приняв какое-то решение, откинулась на спину и натянула на себя одеяло по самый подбородок.

— Я тушу свет? — спросила она.

— Валяй.

Щёлкнул выключатель на ночном столике. Лампа, сделанная под старинный газовый фонарь, погасла. По стенам и потолку комнаты скользнул от свет фар проехавшего автомобиля.

— Знаешь, — заговорила Катя, — я хочу, чтобы мой муж был моим первым мужчиной.

— Это шутка или как?

— Нет. Я серьёзно. Я понимаю, что это звучит глупо, но я бы так хотела.

— Какого же беса ты меня пригласила на ночь, Катюха? — он повернулся на бок и приблизился к ней. На её белом лице чернели два широко раскрытых глаза.

— Не знаю...

— Так дело не пойдёт.

Он приподнялся над её головой, пристально разглядывая лицо девушки, такое непохожее на себя в ночной синеве. Её губы приоткрылись.

— Мы с тобой никогда не целовались, Катька.

— Никогда.

Он опустил свои губы на её рот и почувствовал кончик её языка и её зубы. Но то не был ещё поцелуй. Просто сближение. Первое сближение. Первое знакомство давно знакомых людей. Знакомство с новой стороны. И по его телу пробежала искра. Юра раскрыл рот настолько широко, насколько мог, и захватил максимум девичьего лица, после чего медленно свёл губы вместе, превращая блуждание губ во влажный поцелуй, пробуждающий похоть.

Катя попыталась что-то сказать, но получилось лишь глухое мычание.

— М-м-м, — ответил Юра. Его правая рука быстро спустилась вниз по её телу и без особого труда подняла подол ночной рубашки, под которым трепетали холодные ноги и бёдра Катерины. Она попыталась остановить его руку, но не очень старалась.

— Ты постелила нам вместе, Катька, — прошептал он, — ты не имеешь права сопротивляться, это просто подло с твоей стороны.

Она смотрела на него огромными глазами, которые в темноте казались ещё больше, и этот взгляд, полный одновременно ужаса и жажды познаний, остался в памяти Юрия на всю жизнь.

– Трусиха... и бесчестная девчонка...

– Я хочу, Юр... Я на самом деле хочу, но я не могу. Я уже сказала тебе...

– Помню: твоя девственность принадлежит твоему будущему мужу, – прошептал он, не прекращая мягко оглаживать внутреннюю сторону её бёдер, – но зачем же ты легла рядом?

Через несколько минут он потянул её рубаху вверх, и девушка послушно вскинула руки, помогая ему избавиться от невесомого одеяния.

– Твоя девственность останется при тебе, Катюша...

– Я прошу тебя.

– Такой сволочкой девки я ещё не встречал.

Она лежала рядом с ним, открытая всем его прикосновениям, тонкая, вытянутая, с круглыми мягкими грудями, плоским животом, чёрными немигающими глазами. Руками и губами он терзал её груди, ощущал вкус её кожи и твёрдость крупных сосков. Не меньше часа прошло в изнуряющей любовной игре, окутанной звуками шуршащих простыней и глубокими девичьими стонами.

– Всё, милая, хватит, – сказал в конце концов он, – теперь ты сделай что-нибудь.

Он снянул с себя трусы, и через несколько минут он почувствовал на себе её пальцы. Она трогала его неумело и боязливо, то стискивая основание, то хватаясь за кончик.

– Я боюсь, – донёсся до Юры её захлебнувшийся голос.

– Твоя девственность останется при тебе, – повторил Юра.

Она всхлипнула в ответ и жадно обняла его бёдра. Природное знание сценария любовной пьесы вдруг пробудилось в ней, и Катя ритмично задвигала пальцами. Вскоре её рука стала мокрой от его семени. Юра благодарно поцеловал девушку.

– Я хочу знать всё, – прошептала она. – Спросить мне не у кого. Подруг у меня нет. Да мне и признаться им стыдно в том, что я до сих пор ни с кем не была. В институте девчонки об этом только и шушукаются, хвастиают новыми парнями.

– Да, – отозвался он, – в некоторых кругах девственность никогда не была в почёте.

– Почему так? Разве это плохо?

– Не плохо и не хорошо. Ты сама-то как думаешь? – Он потянулся. – У тебя тело давным-давно созрело, а ты искусственно лишаешь его того, что ему надо. У тебя просто мозги набекрень поедут однажды. По-моему, ты глупиши... Ладно, я схожу в душ.

– Я всё правильно сделала? – Катя остановила его за руку.

– Правильно.

– Можно ещё?

Так прошли три ночи – ночи, подарившие им обоим удовлетворение. Как ни странно, эти отношения показались им обоим абсолютно естественными и закономерными. И всё же, ублажая друг друга, Юрий и Катерина настоящими любовниками не были.

– Скажи, – спросила она, – а если бы у тебя была жена, это считалось бы изменой?

– Я думаю, что большинство жён сочло бы изменой уже тот факт, что муж потискал другую женщину за титьки или задницу. Моя мать ревновала отца лишь за то, что он смотрел на кого-нибудь... Впрочем, ты спроси у себя. Ты ведь когда-нибудь станешь женой. Тебе виднее.

– Я бы хотела, чтобы у моего мужа была именно такая любовная связь, а не другая. Как-то спокойнее.

– Смешная ты девчонка, Катюша.

Учёба в институте шла своим чередом. Жизнь выглядела лёгкой и беззаботной. Один за другим приятели Юрия покидали систему координат холостяцкой жизни, окольцовывая пальцы тонким золотом и устраивая пышные свадебные застолья. Иногда Юрию казалось, что свадьбы случались чаще остальных праздников. Это было повальное увлечение, эпоха банкетных залов, цветов, поздравлений и пьяных скор.

Когда Игорь Петров, больше известный среди своих друзей как Петруша, объявил, что намерен жениться, Юра ничуть не удивился.

– В добрый час, Петруша, в добрый час. Только не забывай, что некоторые из наших корешей, успевшие расписаться на первом курсе, уже развелись.

– Юрик, я женюсь не для того, чтобы потом разводиться, – убеждённо ответил Игорь.

На свадьбе, устроенной в малогабаритной квартире Петровых, Юра увидел среди гостей Татьяну Зарубину. Он часто встречал своих знакомых в компаниях, где не ожидал их увидеть, и потому утвердился в мысли, что мир тесен. И всё же появление Татьяны в квартире Петруши немало удивило Юрия. Поразила и её внешность. Густо-чёрные глаза, тёмный разлёт бровей и подлинно золотые волосы – не раскрашенная солома, а натуральное шёлковистое золото. Чудесное существо!

– Вот так встреча! Здравствуй, Танечка, – обрадовался он. – Какими судьбами? Давно тебя не видел.

– Года три уже, а то и больше того, – девушка улыбнулась.

– Ты похорошела, повзросла. Даже не похорошела, а стала просто шикарной, – сказал Юра с восхищением. – Где же были мои глаза раньше?

– Раньше твои глаза упирались в моих подружек, – ответила Татьяна, оттенив свои слова капелькой ядовитой краски.

– Ты не права. Я на твоих подруг не заглядывался. Когда нам восемнадцать, то шестнадцатилетние девочки кажутся нам слишком маленькими. Ведь я у тебя на твоё шестнадцатилетие был? Однако проходит время, и те, кто был вне поля нашего зрения, вдруг делаются исключительно привлекательными и начинают дразнить нас своей красотой, – Юра состроил виноватую мину. – Прости старого друга, Танюша.

– Прощаю и разрешаю тебе по старой дружбе немного поухаживать за мной, – девушка изящно потрепала ладошкой его по плечу. – Кстати, познакомься. Это мой друг, его зовут Олег. Знакомьтесь.

Стоявший справа от неё высокий парень ощупал Юрия прозрачными глазами и кивнул. Молодые люди пожали друг другу руку. В пожатии Олега чувствовался вызов, Юрий не понравился ему.

Через час Юра подошёл к Татьяне:

– Танюха, твой чувак меня донимает, – Юра смотрел на девушку с растерянностью. – Я не понимаю, в чём дело, но он категорически против того, чтобы я с тобой танцевал, и сказал мне об этом открытым текстом.

– Не обращай на него внимания.

– Он, видишь ли, угрожает мне. Я бы не хотел испортить вечеринку Петруше. Не знаю, насколько ты хорошо знаешь эту семью, но я-то с Петрушой ещё в интернате корешился, у нас давняя дружба.

– Не переживай, – твёрдо ответила Таня. – Если Олег будет наглеть, я разрешаю тебе надавать ему тумаков.

– Таня, милая, ты не знаешь, ты не представляешь, насколько ты мне нравишься, но мне не нужно твоего разрешения для того, чтобы засветить кому-либо в глаз. Просто я не желаю портить вечер Петруше, набив морду его приятелю. Скажи мне, кто здесь чей знакомый: с Петрушой дружишь ты этот Олег?

– Я, – улыбнулась она, – Олег просто при мне.

– Тогда мои руки развязаны.

Юра чмокнул девушку в щёку и скрылся в коридорной толпе. Минут через пять он увидел над собой белобрысую голову Олега и его хамоватую улыбку.

– Старик, нам надо поговорить, давай выйдем.

– Разве есть тема для разговора? – Юра пожал плечами.

– Не валяй дурака, ты прекрасно понимаешь. Или ты сдрейфил? – улыбка Олега сделалась ещё более самоуверенной.

– Если ты настаиваешь… Пойдём на лестничную клетку, чтобы здесь не шуметь, – Юрий был уверен в себе: уже два года он занимался карате.

Они остановились на лестничной клетке. Олег был почти на голову выше, смотрел сверху вниз.

– Ну вот что, – начал он и взял Юрия за воротник и потянул к себе.

Схватка получилась короткой. Юрий сделал подсечку ногой и двумя быстрыми ударами в наглое лицо опрокинул Олега навзничь. Падая, тот стукнулся белобрысым затылком о стену. Самоуверенность испарилась, но Олег не остыл.

– Ты просто сволочь, – прошипел он, наливаясь злобой.

– У вас дурные манеры, сударь, – ответил Юра. – Надеюсь, тема на этом исчерпана?

Олег поднялся, сжимая кулаки, но не сделал ни шагу в сторону соперника, испытав внезапный прилив сильного головокружения. Он прислонился к стене и прикрыл глаза.

– Головка бо-бо? – сочувственно спросил Юра и пошарил в кармане в поисках носового платка. – Ладно, пойдём в хату. Возьми-ка платок, а то у тебя из носа сочится.

Годы, проведённые в институте, внезапно закончились. Юрию показалось, что эти пять лет, бурных и ярких, могли запросто поместиться на его ладони – таким крохотным оказался этот беспечный отрезок жизни, переполненный любовными играми и хороводами новых знакомств. Вроде бы только что каждый день был бесконечным и беззаботным, и вдруг всё круто изменилось.

Поднявшись на очередную ступень по лестнице жизни, Юрий обнаружил себя в тесном пространстве конторы, уставленной столами, заваленной бумагами, загромождённой компьютерами, наполненной ровным гулом голосов, принтеров и телефонных звонков. Фигуры в белых рубашках, стильных пиджаках переходили из комнаты в комнату, все наполнены чувством собственной значимости и стремлением сделать быструю карьеру, в воздухе витал запах духов, лосьёна для бритья, растворимого кофе.

Всё, что было в жизни Юрия до прихода на работу, обернулось мимолётным видением. Теперь пришло горькое пробуждение. Пришло навеки. Наступила серая ять. Сухая рутина. Существование в кольце бесконечного хождения с работы и на работу. Нелепое прозябанье в однообразном ритме конторских дел ради нескольких свободных часов вечером. В тоннеле размежевенного и тоскливого существования, обещавшего оставаться таковым до конца дней, единственным источником света оставались студенческие годы, может, также пара-тройка последних школьных лет, но этот свет шёл из-за спины. Об этих годах можно было вспоминать. Их можно было ставить перед собой и стремиться к ним, если бы они ожидали в будущем, а не лежали в недосягаемом прошлом. И эта память, выставленная Юрием вперёд, как маяк, оживляя новоиспечённого клерка, одновременно с тем медленно уничтожала его.

– Юрка, послушай меня, – говорил ему отец, – жить прошлым нельзя. Никак нельзя. Мечты о прошлом – это слёзы. А слёзы не помогают в жизни.

– Но мне так плохо, пап, невыносимо плохо. Я думал, что жизнь… дана для того, чтобы жить, чтобы успевать думать, успевать творить… А тут…

– Разве ты не успеваешь думать? Что мешает тебе? – спрашивал Николай Петрович.

– Как только я начинаю думать, я понимаю, что я не живу. Это не жизнь. Это убивание жизни.

– Ты хочешь сказать, что я, дотянув до пятидесяти с лишком лет, вовсе не жил? Я вкалывал, между прочим, как вол, чтобы ты мог получить что-то...

Николай Петрович нахмурился, не зная, как ответить сыну. Юра похлопал его по руке.

– Должно быть, у тебя другое отношение к жизни, пап, – предположил он. – Тебе нравится быть начальником?

– Да, нравится. И тебе понравится, когда подтянешься по служебной лестнице, – убеждённо сказал отец. – Всему своё время.

– Нужно ли мне это время, пап? Нужно ли вообще это всё? – Юра был грустен. – Мне бы куда-нибудь в тайгу податься, жить *tam*, промышлять охотой, приносить в дом мясо, есть, спать, просыпаться с первыми лучами солнца.

– Жить *tam*? Почему-то людям кажется, что жизнь *где-то там* непременно лучше, чем здесь.

– Я не сказал, что лучше. Я сказал, по-другому.

– Ты полагаешь, что жить жизнью таёжного охотника так просто? – спросил отец.

– Физически, конечно труднее, а в остальном...

– И ты мог бы жить животной жизнью? – перебил отец.

– А разве мы не животную жизнь ведём? Разве наши одежды делают нас людьми? Мы так же жрём и срём, как первобытные люди... Я вот что вдруг понял: они – дикиари то есть – жили и живут трудно, очень трудно, всегда трудно. Ни о каких удобствах нет речи. Жизнь их – непрерывная борьба за существование. Всё так. Но им легче, чем нам, ведь у них же нет никаких «высоких» целей – только жить. А мы мечтаем о свободном времени, об отдыхе, о развлечениях. Мы боремся не столько за жизнь, сколько за всякие блага, мыслимые и немыслимые. Это величайший самообман. Мы путаем глубинную суть жизни с этими благами, подменяем одно другим. Но если мне не нужны эти блага? Я не нуждаюсь ни в каких казино, ресторанах, огромных суммах денег. Мне нужно время, чтобы сидеть на природе и дышать свежим воздухом. Мне нужно время, чтобы сочинять. Мне нужно время, чтобы заниматься любовью. Да, хочется, чтобы вокруг всё было красиво, изыскано, может быть, даже шикарно. Но разве шикарный отель более великолепен, чем вершины Алтая? Они тоже шикарны, но по-другому. Неужели следует продавать всю свою жизнь за деньги, чтобы однажды – когда-нибудь потом! – можно было потратить эти деньги на дорогой отель? Разве ты не согласен, что это нелепость? Ты только вникни в это: зарабатывать «на жизнь». Но где же сама жизнь? В зарабатывании денег? В гонке за материальным благополучием? Я не понимаю такого расклада, отказываюсь понимать. Жизнь должна быть качественной ежесекундно. Не знаю, как это объяснить... Но если процесс зарабатывания превращается в смысл жизни, то уж прости меня, но жить тогда не стоит вообще...

– В чём-то ты прав, Юрка, конечно, прав. Но ты пока ещё остаёшься максималистом. Я понимаю, что за этим скрывается.

– Что?

– Твоя работа. Она сковала тебя, отняла возможность жить в своё удовольствие. Студенческие годы – пора сладкого безделья. К сожалению, эта пора нас сильно разворачивает. Как ты понимаешь, я тоже прошёл через всё это. И вот я перед тобой, и я уверен в том, что ты справишься с хандрай.

– Это не хандра.

– А что?

– Я не хочу быть клерком, мне не нравится составлять конъюнктурные листы, готовить контракты. – Юра состроил кислую гримасу. – Я никогда не полюблю этого. Нельзя любить ложь.

– Ты считаешь, что твоя нынешняя работа – ложь?

– Воплощение лжи, её олицетворение… Очень много серьёзности на лицах, слов, жестов. Чрезесчур много игры в важность. Любая торговая сделка – ерунда по сути своей. Но посмотри, сколько значимости на рожах бизнесменов! Бизнес… Слово-то какое… Правильнее сказать «узаконенный обман». После политиков первые обманщики – люди торговли.

– Может быть, дёрнем с тобой по коньячку? – Николай Петрович сходил к шкафу и вернулся с тёмно-зелёной пузатой бутылкой «Наполеона». – Ты говоришь, что не любишь конторскую работу. Но ведь ты учился именно ради такой работы.

– Я был глуп. Я не видел дальше собственного носа.

– Слова не мальчика, но мужа. Это честно, – отец дзынькнул бокалом о бокал.

– Я спутал состояние жизни с состоянием обеспеченности. Я не хотел, чтобы что-то менялось, мне нравилось скользить по накатанной лыжне: уют, квартира, деньги… Мне не хотелось, чтобы что-то изменилось. Я и сейчас не способен ничего поменять.

– А чего бы ты хотел?

– Наблюдать.

– Наблюдать? За кем?

– За всеми. Смотреть на людей, выхватывать из толпы их походку, лица, вылепливать их характеры, исходя из их поведения, и складывать из этого истории, – глаза Юры загорелись.

– Ты всё ещё пишешь иногда? – спросил Николай Петрович.

– Пишу, – кивнул он, – творю мой собственный мир. И там, в этом никому невидимом мире, я свободен от всего.

– Послушай, Юр, – отец подался вперёд и задумался, – я должен попросить у тебя прощения. Возможно, я сильно виноват перед тобой.

– То есть? – удивился Юра.

– Я никогда не спрашивал у тебя, что ты пишешь, – Николай Петрович посмотрел сыну в глаза, – и никогда не просил почитать. Мне всегда думалось, что это просто блажь. Знаешь, многие ведь пописывают стишкы… Но тебе уже двадцать два, а «блажь» не проходит. Похоже, я ошибался. Родители часто ошибаются, исходя из собственных установок на то, как должна складываться жизнь их детей. Возможно, ты делаешь нечто серьёзное. Как бы там ни было… Не прекращай своего сочинительства… И дай мне сегодня что-нибудь прочесть…

Это был их последний разговор.

Ночью Николай Петрович умер. Скончался, не позвав на помощь и не попрощавшись. Около включённой настольной лампы лежала стопка листков, которые Юра дал отцу накануне.

На похоронах плаксиво играл оркестр. Пахло землёй, и откуда-то из-за спины Юрия доносился оглушительно неуместный запах одеколона. Всё было как-то ненатурально, словно на театральной сцене с условными декорациями.

Через несколько дней Юрий внезапно осознал весь ужас произошедшей в его жизни перемены. Все проблемы, лежавшие прежде на отцовских плечах и существовавшие для Юрия в каких-то неосознанных формах, приобрели отныне вес, стали плотными, тяжеловесными, реальными. Рухнула стена, принимавшая на себя все удары и ограждавшая Юрия от возможных невзгод. Даже живя в интернате, Юрий считал себя под отцовской защитой, хотя Николай Петрович находился в другой стране. Юрке казалось, что стоило позвать его, отец бросил бы работу и примчался к нему, чтобы выручить из беды.

Теперь мир внезапно расширился, окрасился в новые цвета, приобрёл незнакомые формы, обнажил множество неведомых дотоле острых углов, распахнул чёрные пасти опасных закоулков. И это не доставляло Юрию радости. К своему ужасу он понял внезапно, что означали слова «домашний ребёнок», звучавшие раньше абстрактно. Теперь эти слова указательным перстом упирались прямо ему в лицо.

— Эх, папа, папа, — повторял Юра каждый вечер, сидя за столом и тупо глядя в стену перед собой.

Новогодний праздник на работе не развеял растерянности, опутавшей Юрия. Сослуживцы смеялись и пили шампанское, но Полётову было грустно. Грусть затопила всё вокруг, все углы, все шкафы, все выдвижные ящики. Грусть переливалась через подоконники наружу и заполняла даже улицы.

— Стариk, встяхнись, — дружески подтолкнул Виталий его в спину, — жизнь продолжается. Ты должен взять себя в руки.

— У меня маленькие руки, я не умещаюсь в них, — усмехнулся Юра.

— Ты уже шутишь? Вот и здорово! Давай выпьем! С наступающим тебя!

Из шумной толпы появилась молодая женщина, чем-то напоминавшая мартышку.

— Полётов, давай станцуем?

— Давай.

Он держал её за кисти рук, а она норовила прижаться к нему животом.

— Слушай, Полётов, кончай киснуть. Мужик ты или не мужик? — проговорила она, улыбаясь огромным ртом.

— Я не кисну, Люсь, я уже давно раскис.

— Вот и зря. Отца ты не вернёшь. Зато настроение твоё делает ему хуже, — сказала Люся.

— Хуже? Кому? — не понял Юра.

— Твоему отцу. Умершие не любят, чтобы по ним лили слёзы. Наши слёзы не позволяют им уйти в лучший мир, — она громко чмокнула Юрия в губы.

— Откуда ты знаешь?

— Я эзотерик, — голосом заговорщика ответила Люся.

— О, — он понимающе закивал и снова погрустнел.

— Прекрати вянуть, Полётов! — Люся потрепала его за подбородок. — Ещё раз спрашиваю тебя, мужик ты или нет?

— Допустим, мужик.

— Тогда пошли.

— Куда?

— В мой кабинет, — она имела в виду кабинет секретаря, где находилось её рабочее место.

Она быстрым шагом провела Юру по коридору и спустилась по лестнице. Внизу тоже гуляли, но чуть тише, чем на втором этаже. Юра послушно прошёл за женщиной в комнату, тупо глядя ей в затылок.

— Ну вот, — она повернулась.

Запах вина и накрашенных губ проник Юрию в ноздри. Дымчатые глаза влажно всматривались в его лицо, молча призывая к действию.

— Милая обезьянка, — проговорил он одними губами.

Она не поняла, но в ответ приподнялась лёгким толчком стройных ног и уселась на краешек канцелярского стола, сдвинув ягодицами стопку бумаг. Над головой рассыпались пляшущие перестуки множества каблуков — народ веселился этажом выше.

Люся потянула Юрия на себя, высвободив руки и мокро припала к его рту, что-то мыча. Пьяное женское дыхание ударило Юрия, затопило его. Её лицо заслонило пятна вечерних фонарей на стене, качнулось вверх, облизало горячим языком его щёки, засыпало густыми волосами. Люся дважды дёрнулась, что-то делая руками, и он почувствовал её пальцы на своих брюках. Краем глаза он различил её голые бёдра, поднятую юбку.

— Какой у них там галдёж наверху, правда? — прошептала она. — Правильно, что мы сбезжали сюда... Ну же, давай, ты ведь готов...

Юрий увидел мутное длинное очертание, протянувшееся от разнужданных штанов к белой полоске кружев между разведёнными женскими ногами, и подумал, что такое бельё женщина никогда не наденет без умысла. Юрий прислонился тяжёлым лбом к её голове. Одной рукой она оттянула кромку своего тонкого белья, другой властно подвела к себе надутую мужскую трубу. Юрий подался бёдрами вперёд, и в лицо ему ударили громкий томный вздох, почти вскрик.

Прорвавшейся наружу страсти вторил из-за стены дружный смех.

– Только бы не вошли, сволочи, – проговорила сквозь зубы Люся.

В ту же секунду вертикальная полоска света, падавшая сквозь щель приоткрытой двери, расширилась, проявив нелепые синие цветы на обоях, и чья-то тень застыла в жёлтой проекции двери на стене.

– Володя! – почти взвизнула Люся, увидев своего мужа за спиной у Юрия.

Юра не успел оглянуться, как его развернули, вырвав из мягких глубин…

Пощёчина продолжала звенеть в воздухе, хотя ощущение чужой руки на щеке давно исчезло. На сердце не было ни обиды, ни досады. Юрий взглянул на расстёгнутые брюки и удивился, что его инструмент оставался возбуждённым.

– Сейчас бы бабу, – прошептал он. – Ёлки-палки, как всё это не похоже на мою жизнь. Какое же всё не такое… Хочу в горы… Хочу русалку… Хочу прочь отсюда…

Зима лютовала, над улицей висел пар. Порывшись в карманах в поисках сигарет, Юра обнаружил лишь пустую пачку и выбросил её. Кто-то тронул его за плечо.

– Юра, это ты? Здравствуй! Я тебя не сразу узнала в этой шапке.

Перед ним стояла, блестя чёрными глазами, Таня Зарубина. Вся в густых мехах, на шее жемчужины в три нити, волосы на непокрытой голове рассыпаны золотом.

– Надо же! – удивился Юрий нежданной встрече, потянулся к девушке и рассеянно, будто не осознавая своих действий, поцеловал ей обе руки. – Ты зря в такой мороз с непокрытой головой. Да и шею прикрыть надо… Как у тебя дела? Танечка, милая, ты учишься?

– На психолога. Скоро заканчиваю… А я замуж вышла… два месяца назад, – объявила она и почему-то смутилась. – Мы только что из путешествия вернулись. Из Австралии.

– Поздравляю, – ответил он неуверенно. – Как-то это странно звучит. Ты замужем. Ты – чья-то… И кто же он? Впрочем, что мне за дело?

– Разве тебе не интересно узнать? – кокетливо спросила она.

– Интересно? Почему меня должен интересовать чужой муж? – и тут на него нахлынула тяжёлая волна необъяснимой ревности. – Ну так кто же он, этот счастливчик?

– Значит, всё-таки счастливчик? Признаёшься? – приблизила Таня своё лицо к Юрию и легонько ткнула ему в грудь указательным пальцем. – Завидуешь? Между прочим, ты с ним знаком.

– Я твоих друзей не знаю.

– Ты помнишь тот вечер у Петруши? Ну, когда к тебе пристал парень из-за меня?

Юра ждал продолжения, ощущая нарастающее с каждой секундой беспокойство.

– Ещё бы не помнить! Не может быть, чтобы этот долговязый в зелёном пиджаке. Его, кажется Олегом зовут?

– Почему ты злишься? – обиделась она, и он понял по её интонации, что личность мужа установлена правильно. – Да, я вышла замуж за Олега Морозова.

– Я не злюсь. Мне-то что? Твой Олег-то хоть пиджак свой отмыл от крови в тот вечер? – Юра злобно оскалился. – А то у него нос-то протёк основательно.

– Я и не обижусь. Пусть у него нос был разбит. Я ведь хотела, чтобы кто-нибудь ему по физиономии съездил. На самом деле хотела. Слишком уж он заносчивый был, высокомер-

ный, очень много о себе воображал. Ему следовало навалять, согласись. Но я не знала, как это устроить. А тут, понимаешь, такая удобная ситуация. Только ты не подумай, что я тебя использовала, нет. То есть я, конечно, воспользовалась твоими услугами, это верно, чего уж тут отрицать. Но ведь ты не по моей просьбе отпустил его, ведь так? Ты его за наглость, да?

– Ну, знаешь, я всякое видывал, но это... – Юрий растерянно повёл руками. – Всё-таки твой будущий муж. Ведь вы уже решили всё тогда? Конечно! Как же иначе! Ну ты, Танечка, выдала номер!

– Юр, ты не подумай, что он на самом деле плохой, нет, вовсе нет. Он ведь милый очень в действительности, умный, способный. Он в этом году институт закончил, попал работать в МИД.

– Папочка пристроил? – Юрий вдруг угас и вяло махнул рукой. – Да мне-то что? МИД, свадьба... Ты два месяца назад счастье обрела, а я потерял единственного близкого мне человека. Папа умер. У меня больше никого нет.

– Ой! Прости... Как же так? Неужели Николай Петрович...

– Перед самым Новым Годом. Славный праздничек получился... Да что там... Этого не понять. Я и сам ничего не понимаю, всегда считал себя стойким, крепким, всезнающим, а оказался слабаком сопливым. Ничего-то мои кулаки не стоят в действительности. Что мне от них пользы?.. Подумаешь, разбитый нос твоего Олега, – Юрий замолчал, его глаза затуманились. – Знаешь, мы ведь с тобой на самом деле люди-то чужие, в детстве ревзились на даче вместе да в компании разок гуляли... Я не могу признаться никому из друзей, а тебе скажу. Тебе – постороннему человеку. Грош мне цена! Не удержусь теперь я, когда батя ушёл. Плохо мне. Тошно. Ничего не могу поделать. Сдохнуть хочется. Оглядываюсь и ничего не понимаю вокруг. Как же так? Что это за жизнь такая? Ради чего? Был бы пистолет...

– Что ты говоришь такое? Я не верю тебе, – взволнованно заговорила она, положив руку ему на губы. – Нельзя так думать.

– Разве?

– Ты же сильный. Надо держаться.

– Это пустые слова. Ты сможешь ли удержаться, когда под тобой всё рухнет разом? Все этажи, сколько бы их ни было внизу! Откуда тебе знать? У тебя всё хорошо, муж вон появился, высокий, блондинистый, в МИДе пристроился... У меня тоже всё было так... надёжно. Но теперь... Во что верить, когда само качество и смысл жизни меняются, а то и вовсе исчезают?

– Это не так, Юрочка, жизнь остаётся жизнью, – Таня прильнула к нему в порыве сочувствия.

– Вот, вот, Танюша. Жизнь остаётся жизнью. Таким же бессмысленным существованием, каким была прежде. Я согласен, что ничто не изменилось. Просто на одного-двух или на сотню человек вдруг сделалось меньше. И нигде не остались звучать их живые слова, нигде не сияют их живые улыбки. Только красивые безжизненные фотографии.

– Нет, нет и нет! Всё займёт свои места, жизнь возьмёт своё.

– Возьмёт? Да, да, возьмёт и уложит в ящик... О чём ты говоришь, Танечка?

– У тебя появится женщина, милая, хорошая, страстная, и она вселит в тебя уверенность. Я точно это знаю! – воскликнула Таня с жаром.

– Женщина? Какая женщина?.. Да ведь и ты женщина, Таня! Помоги мне! Хочешь помочь мне? Я гибну. Никаких сил не осталось. Даже не предполагал, что могу так раскиснуть. Плакать хочу.

– Что я могу сделать для тебя, Юрочка? – она с готовностью положила свои ладони ему на руку.

– Ты права, мне нужна женщина. И ты повстречалась мне сегодня не случайно, я это сейчас ясно понял. В тебе таится живительная сила какая-то. Не отказывай мне, пожалуйста.

Она отняла руки.

— Да ты что? Ты шутишь? Как я могу? Я ведь едва из загса вышла. Да и вообще... Странно это, Юрик...

— Ты же улыбалась мне, когда подошла. Ты только что говорила о вере в жизнь, чёрт возьми. Ты только что сама говорила о женщине. И ты... отказываешь мне?

Он цепко схватил её за локоть и потащил за собой. Таня упиралась, но всё же двигалась за ним мелкими шажками. Понизив голос до возмущённого шёпота, чтобы не привлекать постороннего внимания, она продолжала отказываться во всевозможных выражениях, но передвигала ноги следом за Юрием, скользя то и дело каблуками по гранитному полу метро. И вдруг она крикнула громко:

— Хватит! Ладно, — и тут же едва слышно продолжила, — ладно, я пойду с тобой. Но ты должен понять, что это из... Не подумай, что я... Я ведь вообще до Олега, то есть до свадьбы, то есть... Одним словом... Я тебе просто товарищ, друг, хоть и женщина... Ты понимаешь меня?

А через пятнадцать минут она уже лежала на спине попрёк широкой кровати посреди мрачной комнаты, придавленная его голыми животом и бёдрами и вбивающая сильными движениями в мятую перину. Горячие капли пота падали ей на щёки с его склонённого лица. Между расставленных ног безумствовал скользкий бес, выворачивая её наизнанку.

— Что я делаю? Что я делаю? — повторяла она. — Как я могу? Как я могу?

Первая атака прошла быстро, и Юра, не теряя бдительности, несмотря на своё разбитое состояние, вырвался из женских недр за пару секунд до того, как из него хлынула белая лава. Он опустил голову и впился зубами Тане в шею, не больно, но сильно. Наверное, так кусают влюблённые вампиры, промелькнуло у неё в голове. Она шевельнулась под ним и почувствовала, как по её животу перекатился его тяжёлый орган, не потерявший своей упругости.

— Ты как? — проговорила она, не зная, что ещё спросить.

— А ты? — отозвался Юра и рукой подвёл себя к краю её бездны.

— Сколько времени? — спросила она, сама не понимая смысла заданного вопроса; ей просто хотелось спросить, спросить о чём угодно.

— Времени? Уже тысячи лет позади...

Он провёл тыльной стороной ладони у неё между ног, и опять вошёл в неё.

Повинуясь властным движениям его рук, она перевернулась на живот и увидела перед собой большое зеркало в массивной деревянной раме. В пыльном стекле мутно отражалось измученное наслаждением лицо, её блестящие чёрные глаза, раскрывшийся рот. Обрушившись на пол ночной светильник испуганно подмигивал единственной неразбившейся из трёх ламп и бесцеремонно выхватывал из темноты голые плечи, вытянутые руки, полушария девичьих грудей. При каждой вспышке Таня видела за своей золотистой головой запрокинутое лицо Юрия, мокреющее от слёз.

— Не плачь, всё образуется, — пыталась шептать она, но пробудившаяся в ней страсть душила все её слова беспрерывными вздохами.

Перед Юрием выгибалась нежная спина, из-под сияющей копны растрепавшихся волос струился желобок с матовой резьбой позвонков под смуглой кожей, обрываясь возле двух мягких ямочек перед упругими сферами ягодиц. Крепкие мышцы длинных ног растянулись в стороны, позволяя мужским пальцам ласково буравить тонкую плоть, скрытую густой тенью.

Таня видела в пыльном зазеркалье, как в её чёрных глазах пульсировало время, то растягиваясь в вечность, то сжимаясь тугой пружиной до неуловимого мгновения. Тёмное пространство комнаты билось над головой крыльями пойманной дикой птицы, вырывалось, то поднимая руки и ноги любовников к потолку, то швыряя бесформенным комом глины на самое дно гигантской кровати. Комната шумно колыхалась, раздвигала резиновые стены до невидимого горизонта и сжималась обратно, оглушительно и кроваво стучась в самый висок. Таня слы-

шала, как дышало у неё внутри чужое тело, длинное и объёмное, полное обезумевшей жизни, налитое жидким чугуном, облепленное прожилками, жаждущее любви и молящее о ней.

Юра рванулся назад и оставил после себя гудящую пустоту.

– Теперь уж хватит, – выпалила она сдавленным голосом. – Я должна уйти. Я больше не могу. Мне больше нельзя.

В дверях, когда она уже оделась, он вдруг с новой энергией заглотил ртом её губы, свалил с ног и овладел ею прямо в одежде, разметав по паркету густой мех шубы.

Затем, когда всё закончилось, он сказал:

– Спасибо тебе. Иди.

– Ты забрызгал подкладку шубы, – ответила она. – Что я теперь скажу?

– Прости, – оборвал он её мягким поцелуем, – прости.

В тот вечер Олег устроил ей сцену ревности, обнаружив перед сном на её теле следы поцелуев. Он метался по комнате, несколько раз шмякнулся головой о стену, покрытую персидским ковром, пинал ногами заваленное разноцветными подушками кресло.

– Я верил тебе, Таня! Я боготворил тебя! А ты оказалась просто сучкой! До омерзения красивой сучкой! Какой же я болван! – Он несколько раз подходил к ней, взмахивая кулаком, но не мог ударить её, чувствуя, что вся его огромная сила улетучивалась, когда он встречался с открытым взглядом жены. – Как же я мог поверить тебе? Я ждал столько времени, я терпел, не трогал тебя до свадьбы... А ты теперь... Оказывается, тебя нужно было лишь откупорить, как бутылку, чтобы ты сразу пошла по рукам. Какой же я идиот! И какая же ты мразь, Танька!

– Перестань кричать, – понуро отозвалась она. – Я не могу объяснить тебе ничего. Если сможешь перетерпеть, то перетерпи.

– Но как ты могла? – он уже в который раз повторял один и тот же вопрос.

– Я не могла. Это была не я, Олежек. Но ты не поймёшь. Я сама не понимаю.

– Ты его любишь? Кто он такой? Ради какой такой твари ты раздвинула ноги? Боже! Я не могу поверить! Какой-то вонючий самец был внутри тебя. Какой-то... Кто он? Откуда он взялся? Отвечай мне, дрянь, как это могло произойти? Я должен знать!

– Не сейчас, Олег, не сейчас. Поверь, мне очень плохо...

И в ту же секунду она вдруг усомнилась в своих словах: было ли ей плохо в действительности? Пожалуй, нет. Плохо было только из-за крика, поднятого Олегом. Плохо было из-за Олега. Всё остальное заставляло её чувствовать себя на удивление хорошо. Она торопливо перелистала в памяти всё случившееся и поняла, что ей захотелось пойти к Юрию. Пойти прямо сейчас, махнув рукой на свою молодую семью – пусть всё разрушится, как песочный замок под накатившей морской волной.

Олег продолжал шуметь, когда она поднялась с кровати и начала одеваться.

– Ты куда? Проветриться захотелось? Пойди, пойди проветрись. А когда возвратишься, ты расскажешь мне всё в подробностях. Я хочу знать обо всём: как это было, сколько это продолжалось, что ты думала в тот момент... Я должен знать всё, иначе я свихнусь. Ты понимаешь меня? – Олег выглянул в коридор, держась обеими руками за всклокоченную белобрысую голову, но Татьяна уже ушла.

Дверь в квартиру Юрия оказалась не заперта. Таня прошла внутрь и остановилась. Юра сидел за письменным столом и шевелил пальцами рук, словно нащупывая что-то в воздухе. Его голова была наклонена, глаза прикрыты. Перед ним бледно светился экран монитора.

Поначалу Таня испугалась, решив, что он тронулся умом, затем услышала его шёпот:

– Как же это... Лепестковые... Как лепесток... Снегопад лепестковый...

Таня осторожно опустилась на стул, следя за каждым движением Юрия. Временами его губы переставали шептать, но продолжали беззвучно проговаривать слова, будто пробуя их на вкус. Затем он вдруг хватал авторучку и начинал безостановочно писать что-то на бумаге, то и дело перечёркивая написанное. И после этого вновь застыпал, глядываясь в только ему

видимую картину в пространстве перед ним. Ещё через несколько минут он вдруг отталкивал листки бумаги, придвигал к себе клавиатуру компьютера и начинал в полном молчании безостановочно стучать пальцами.

Таня улыбнулась и пробормотала его имя, но Юра не услышал её. Он был где-то в другом измерении. Перед ним разворачивалось действие, суть которого он ещё сам не понимал. Он видел лишь какую-то часть огромного полотна. Он отслеживал это действие, проникал в него, подбирая слова, как ключ к хитрому замку.

Никогда Юра не мог объяснить, что за таинственную негу испытывал он через рождение чьих-то поступков с помощью написанных им слов и что за магию чувствовал он от понимания того, что изложенное на листе бумаги событие состояло просто из букв: буквы могли бы сложиться совсем по-другому и сотворить иную историю, но они складывались так, как этого желал Юрий, или же они сами рассыпались в определённом порядке, а он лишь собирал их.

Висевшая в комнате тишина проникла в Татьяну, и девушка задрожала, будто к ней прикоснулась рука невидимого существа

– Юра, – опять позвала Таня.

Он встревожено оглянулся.

– Это ты? Как так?

– А вот так.

Он быстро шагнул к нежданной гостье и дотронулся до неё.

– Это ты, – утвердительно сказал он.

– А ты сомневался? – улыбнулась она.

– Не знаю. Я думал, что это, может, не на самом деле… – Он поводил пальцами перед своим лицом, нарисовав в воздухе паутину линий. – Я не всегда умею отличить, когда пишу, что есть что.

– Я не знала, что ты стал писателем.

– Я?

Он опустился перед ней на колени и глубоко вздохнул.

– Но как ты здесь? – спросил он.

– У тебя дверь не на замке.

– Разве? Но ты-то почему тут?

– Не знаю. Мне показалось, что мне хорошо у тебя.

– Правда?

– И ещё я подумала, что я тебя люблю…

Они медленно шли вдоль улицы.

– Юрка, – заговорила вдруг Таня и остановилась. – А ведь у нас с тобой круглая дата сегодня.

– Какая дата?

– Я уже полгода у тебя живу!

– Не может быть! Неужели? – Юра словно растерялся. – Неужели так быстро время прошло? А мне даже не показалось…

– Да, всё как будто вчера произошло, – согласилась девушка.

– Вчера… Оно и было вчера… Руку протяни – коснёшься. Ты знаешь, я всё острее чувствую время, вернее его отсутствие. Я заметил, что прошлое перестаёт для меня существовать. Его будто нет вовсе. Есть только настоящее, даже не настоящее, а постоянное. Что до прошлого, то оно каким-то образом существует в этом настоящем. Оно не где-то далеко, а тут, около меня. Ты понимаешь, о чём я говорю?

— Мне кажется, понимаю, — улыбнулась Таня. — Только я думаю, что я понимаю это как-то по-своему. Знаешь, это всё равно что на дождь смотреть, стоя рядом друг с другом: дождь один и тот же, а видим и чувствуем мы его каждый по-своему.

— Должно быть, так оно и есть... Каждый по-своему... Главное, чтобы мы с тобой не каждый сам по себе были... Не говорил я таких слов никому, Танюша, а тебе говорю: не желаю без тебя, желаю всё иметь только с тобой.

Она придвигнулась к нему, прижалась к груди, потёрлась щекой о его куртку, затем посмотрела Юре в глаза и сказала:

— Я тоже хочу быть только с тобой. Может, это скоро пройдёт, но сейчас я не хочу ничего другого!

Она оттолкнулась от него, закружилась на месте, как в танце, и выпорхнула, вращаясь, на проезжую часть.

С громким визгом заскрежетали тормоза вывернувшегося из-за угла автомобиля. Таня резко остановилась и повернула голову на звук. В следующую секунду машина, повернувшись как-то боком, стукнула Таню в бедро и отбросила на несколько метров в сторону.

Юра увидел, как Таня перевернулась в воздухе, взмахнув тяжёлой копной жёлтых волос, и рухнула на тротуар. Секунда, которую Юраостоял неподвижно, вытянулась в вечность. Тяжёлый шлепок упавшего на асфальт тела продолжал звучать в его голове, словно преображеный какими-то техническими средствами в ровный, бесконечный гул. Сорвавшийся с правой ноги Татьяны башмачок медленно скакал, взмахивая ремешком, около её головы. Сквозь яркие отражения домов на лобовом стекле Юра разглядел огромные глаза водителя — худого взлохмаченного мужчины.

— Всё хорошо, всё хорошо, — услышал Юра чьё-то бормотание, и не сразу понял, что голос принадлежал Тане.

Бросившись к ней, он повернул к себе её голову. Таня посмотрела на него ясным взором и торопливо сказала:

— Со мной всё в порядке. Я жива... Вот это был номер!

— Ты уверена, что всё цело?

— Я шевелю руками и ногами. Всё хорошо. Успокойся, милый.

— Успокойся, — повторил Юра, словно взвешивая услышанное слово и оценивая его смысл.

Дверь автомобиля открылась. Юра обернулся. Водитель стоял почти не дыша и прижал руку к животу.

— Ну? — с трудом выдавил из себя водитель, выпучив глаза пуще прежнего.

— Что «ну»? — вдруг закричал Юра и бросился на него.

Двумя короткими тычками в грудь он свалил перепуганного мужчину с ног и тут же услышал пронзительный крик Тани:

— Не надо! Юра, не надо!

Мужчина неуклюже отполз от Юры и стукнулся затылком о распахнутую дверь автомобиля.

— Парень, извини, честное слово... Прости...

— Ладно, чего уж там, — отмахнулся Юра, приходя в себя.

— Позвонили, что мать умирает... — мужчина потёр грудь. — Мать умирает в больнице...

Вот я и помчался... Спешу я очень...

Юра оглянулся на Таню, она умоляюще смотрела на него, всё ещё продолжая лежать на асфальте, лишь немного приподнявшись на локтях.

— Это же я виновата, — прочитал Юра по её шевельнувшимся губам.

— Ладно, — повторил он вернувшись взглядом к мужчине, — всё в порядке.

— Парень, прости...

– Это ты прости… Я за Таньку испугался… Думал…

– У меня мать умирает, – прошептал водитель.

– Чего же ты ждёшь? – Юра легонько толкнул мужчину в плечо. – Езжай, тебе торопиться надо!

Он быстро повернулся и пошёл к Тане. Она осторожно встала и улыбнулась, как провинившаяся девчушка.

– Бог милостив, – засмеялась она.

Юра отступил от неё на шаг и прислонился к стене. Сердце его сжалось от тоски, едва он представил, что Таня могла сейчас не подняться.

– Ты что? – она осторожно провела ладонью по его щеке.

– Я тебя люблю…

ЮРИЙ

В кабинете было тихо, большинство сотрудников ушло обедать, но я остался, чтобы разобраться в очередном справочнике и составить в конце концов конъюнктурный отчёт, который с меня требовали уже не первый день. Голова отказывалась соображать, бескровленная беспрестанными блужданиями в джунглях цифр. Поэтому когда на моём столе зазвонил телефон, я с удовольствием отбросил дело, скучнее которого, как мне казалось, не могло быть ничего на свете.

– Алло? Это Юрий Николаевич? – спросил голос в трубке.

– Да, – ответил я, откинувшись на пружинистую спинку кресла, и посмотрел за окно, где серый зимний ветер раскачивал голые кроны молодых деревьев, посаженных осенью во дворе особняка нашей фирмы.

– Меня зовут Борис Леонидович.

– Очень приятно. Чем могу служить?

– Я друг вашего отца, – продолжила трубка. – Я хотел бы встретиться с вами для одного разговора. Я был на похоронах, но вы, возможно, меня не запомнили.

– Если я вас видел, то я вас узнаю, – сказал я. – Вы хотите подъехать ко мне на работу?

Я сегодня никуда не отлучаюсь.

– Нет. Лучше где-нибудь на нейтральной территории. Скажем, возле памятника Гоголю.

– Почему именно Гоголю? – удивился я. – Это на Гоголевском бульваре?

– Там будет удобно. На всякий случай я буду держать в правой руке журнал «Поколение-7», чтобы вам легче было узнать меня.

– Прямо шпионские штучки. Ладно. В котором часу?

– В шесть тридцать. Это удобно?

Мне было удобно.

– Только не перепутайте Гоголей, Юрий, – на всякий случай уточнила трубка, – мы встречаемся возле стоящего Николая Васильевича, а не у того, который в скверике задумчиво сидит...

В назначенное место я пришёл минут на пять раньше и сразу приметил невысокого мужчину в тёмной пуховой куртке. В правой руке он держал, как было обещано, «Поколение-7» и постукивал журналом себя по бедру, переступая с ноги на ногу. Снег невесомо кружил в освещённом пространстве вокруг фонарных столбов и ложился белым слоем на гладкую бронзовую причёску Гоголя и на его бронзовый же, позеленевший кое-где плащ-крылатку.

– Борис Леонидович?

– Здравствуйте, Юрий. Очень рад видеть вас. Мягкая сегодня погодка выдалась, снежная, без ветра, – мужчина был с густыми рыжеватыми усами.

– Мы где будем разговаривать, прямо здесь?

– Нет, у меня тут поблизости квартира. Заглянем туда? – Борис Леонидович внимательно оглядел меня, прищурился и доброжелательно улыбнулся из-под усов. – Временем вы располагаете?

Мы медленно зашагали по бульвару между рядами тополей и лип, запорошённые ветви которых в вечернем освещении напоминали причудливую белую паутину.

– Так что же у вас ко мне за разговор? Вы ничего не объяснили по телефону, – начал я.

– Разговор не из простых, – Борис Леонидович сунул журнал в боковой карман куртки. – Дело в том, что мы с Колей были в очень близких отношениях. Вы уж извините, Юра, но я привык вашего отца Колей называть, без отчества, запросто. Думаю, что у меня не было друга ближе, чем ваш отец, Юра.

– Приятные слова, – я улыбнулся, ибо любое тёплое воспоминание о моём отце было мне как бальзам на сердце. – Такое не часто услышишь. Да и не звонит, собственно, никто из его сослуживцев. Словно и не было человека.

– А мне приятно вспоминать Коля и произносить такие слова от души, а не из дипломатических соображений.

– Спасибо. Вы с отцом давно были знакомы?

– Много лет. Мы познакомились на выставке в Париже, когда ещё была жива ваша мать.

– Это очень давно. Для меня это почти античные времена.

– Да, очень давно… В последнее время Коля не раз заговаривал о том, чтобы я оказал вам поддержку, в случае необходимости…

– Что он имел в виду? Не понимаю.

– У него пошаливало сердце, – пояснил Борис Леонидович и как бы расставил сразу всё по своим местам: мой отец чувствовал приближение смерти и относился к этому спокойно.

– Но он никогда не жаловался на здоровье, – тихо сказал я.

– Он вообще не жаловался, – уточнил Борис Леонидович. – Меня восхищали многие его качества, но его умение вести себя так, будто у него вообще не было проблем, заставляло меня просто преклоняться перед ним.

– Вам повезло, – горько ухмыльнулся я.

– В каком смысле?

– Я вот очень плохо знал папу. Он был настолько сильно занят, что у нас едва выдавалась минутка-другая, чтобы переброситься парою слов. А вот так, чтобы основательно поговорить, такого не получалось…

Мне сразу вспомнился последний день отца, когда он попросил у меня почтить что-нибудь из моих литературных опусов. Вспомнилось, как он извинился за то, что раньше не находил на это времени.

– Да, мне повезло получить такого друга, – согласился Борис Леонидович.

Мы шагали неторопливо, и он рассказывал о чём-то таком, что никогда не могло прийти мне в голову об отце. Передо мной постепенно вылепливался новый облик давно знакомого человека.

– Вот здесь давайте свернём, нам туда, – Борис Леонидович указал рукой направо.

Мы вошли в подъезд старинного дома и поднялись по широкой лестнице на второй этаж.

– Прошу, – Борис Леонидович отпер дверь и пропустил меня вперёд. – Коля рассказывал мне, что вы пишете, это так?

– Да, балуюсь, – я снял заснеженное пальто.

– Полагаете, что это баловство?

– Я же не публикуюсь, стало быть, для всех – это баловство. Никто меня серьёзно не воспринимает. Только Таня.

– Жена?

– Невеста. Ей нравится и даже очень, но она не объективна ко мне.

– И всё-таки, Юра, неопубликованные произведения и баловство – не одно и то же. Принесите мне посмотреть. Может, смогу помочь.

– Спасибо. Вы связаны с издательской деятельностью?

– С разными видами деятельности, – уклончиво ответил Борис Леонидович. Он стянул с головы шерстяную шапку и обнажил сверкающую лысину. – Вы принесите мне в следующий раз что-нибудь. Если это достойно внимания, то я попробую что-нибудь сделать. Но ничего не могу сейчас гарантировать.

– Понимаю.

– О чём же пишете? Любовные романы? Детективы? Может, о разведчиках?

– Нет, о разведке я ничего не знаю. Это такая тема…

– Какая?

– Сложная. Я поверхностно с этой темой знаком, по фильмам только.

– Ну, а самому-то как представляется разведка? Достойна она того, чтобы о ней что-то рассказать? Или этот предмет не заслуживает внимания? Как вам кажется, Юра?

– Полагаю, что там легко утонуть. Всё, что мне известно – это даже не поверхность айсберга, так, сказки с персонажами типа Джеймса Бонда. Думаю, что такие книжки я легко слепил бы, а вот что касается действительности… Нет, я бы не взялся.

– О вы же о чём-то пишете, Юра?

– О жизни…

– Просторный ответ. Но вы пока не так много прожили и не так много повидали, чтобы рассказывать об этом. Или вы полагаете, что у вас достаточно богатый опыт?

– Нет. Я даже думаю, что опыт никогда не бывает достаточно велик. И всё-таки рассуждать имеет право каждый человек, а тем более фантазировать. Я придумываю сюжеты, я создаю мой собственный мир, который не привязан ни к какому месту и ни к какому времени…

– Разве это возможно? А ваши размышления? Они ведь опираются на что-то.

– Разумеется, но… Дело в том… – я замялся, внезапно потеряв присущую мне уверенность в себе. Возможно, этот Борис Леонидович был прав: без пройденного пути нельзя ни о чём рассказывать. Но если мой путь ещё очень короток, разве я не имею права рассказывать о нём, а тем более мечтать и помещать вымышленных людей в вымышленные обстоятельства?

– Простите, Юра, я не хотел смутить вас, – Борис Леонидович поставил на стол чашки с чаем; он как-то незаметно успел вскипятить воду. – Мне кажется, я понимаю, в чём кроется причина вашей гравомании.

– Гравомании? – в моём голосе прозвучала обида. – Почему вы так говорите? Вы же ничего ещё не читали.

– Я не в плохом смысле, здесь нет никакого оскорблении. Я говорю о страсти к сочинительству. Это своего рода болезнь. Я сам всегда страдал гравоманией, мечтал и даже пробовал писать романы, но… Увы! Не имею достаточно времени отдаваться этому увлечению в должной мере… А причина кроется в том, как мне представляется, что вы не удовлетворяетесь вашим образом жизни.

– Да уж, какая там жизнь. Сидишь в конторе, бумагу мараешь… Хочется дела, движения какого-то. Да, Борис Леонидович, вы, пожалуй, правы насчёт причины. Ведь я когда сочиняю, я просто ухожу куда-то, растворяюсь там. – Я даже зажмурился от нахлынувших на меня чувств, – Это такое дело… там надо себя… развязать, что ли, расковаться, дать себе возможность помыслить по-настоящему, широко…

– Я понимаю, о чём речь. Для человека сильного и умного очень важно иметь возможность проявить себя. Если вам не нравится ваше место, его надо поменять.

– Я не могу представить, куда приложить себя, – мой голос прозвучал, должно быть, виновато.

– Вы ещё молоды, только начинаете жить…

– Уже двадцать три, скоро двадцать четыре стукнет.

– Это не возраст, это ещё мальчишеская пора, – убеждённо сказал Борис Леонидович и подвинул чашку. – Сахар нужен?

– Нет.

– Угощайтесь печеньем. Правда, это покупное. Я предпочитаю домашнее.

– Кто ж его нынче готовит, домашнее-то?

– Моя жена готовит. Как-нибудь, если мы с вами продолжим наше знакомство, я приглашу вас к нам домой, Юра, и вы непременно попробуете её печенье.

– А это разве не ваша квартира? – удивился Юрий.

– Нет. Это служебное помещение.

– Служебное? Странно. Здесь всё выглядит вполне по-домашнему.

– Случается, что здесь иногда приходится кому-то жить. Работа такая.

– Что же это за работа такая? – Моя улыбка явно была окрашена хитринкой. – Откройте секрет, Борис Леонидович.

Тот насыпал в свою чашку ложку сахара и сказал:

– Я работаю в разведке.

– В разведке?

Думаю, что моя физиономия в тот момент была достойна того, чтобы её сфотографировали. По-моему, мои глаза смотрели так, будто я только что прозрел и впервые увидел не только моего собеседника, но и весь окружающий мир.

– Да, я работаю в Службе внешней разведки, – кивнул Борис Леонидович. – Принимая во внимание просьбу вашего отца…

– Какую просьбу?

– Поддержать вас, помочь вам… Я хочу предложить вам пойти к нам на службу.

В комнате повисла тишина, было слышно, как из крана изредка падали капли. Через некоторое время я легонько кашлянул, прочищая горло.

– Разве мой отец тоже… ну, у вас…?

– Нет, Коля не работал у нас, но помогал мне неоднократно, – Борис Леонидович достал из кармана пиджака пачку сигарет, неторопливо поместил сигарету между зубами, прикурил и посмотрел на меня. – Когда Коля однажды узнал, что я обращаюсь к нему с просьбой не от себя лично, а от моей службы, он ничуть не удивился, даже обрадовался, что можно сотрудничать с нашей организацией.

– Так-таки обрадовался…

– Вам сейчас это кажется странным, Юра, но поверьте, что подавляющее число людей с готовностью принимает предложение работать на разведку своей страны. Это льстит почти всем. Из сотни человек, кому предлагают работать в этой системе, лишь единицы отказываются.

– Льстит?

Впрочем, он был прав. Конечно, многим это льстит. Не может не льстить. Таинственность, ответственность, героика, своя особая романтика.

Я залпом выпил свой чай. Примерно с минуту я барабанил пальцами по столу, затем поднял глаза и спросил:

– И вы предлагаете мне пойти к вам? Но я ничего не умею.

– Сначала будете учиться, если, конечно, вашу кандидатуру утвердят. Всё это не так уж просто. Три года в академии, а после того – оперативная работа, ежедневная, кропотливая, напряжённая, но крайне интересная, – Борис Леонидович заманчиво улыбнулся.

– Вы любите вашу работу? – спросил я.

– С ужасом жду того времени, когда придётся уйти на пенсию. Не представляю себя вне Службы.

Я снова замолчал. В голове у меня то начинало шуметь, то наступала глухая тишина. Я испытывал страх и гордость одновременно: пугала полная неосведомлённость в данном вопросе, настораживала неожиданность предложения, но самолюбие нашёптывало, что меня приглашали в эту могучую и таинственную систему не просто по знакомству – если предлагали, значит, я был достаточно хорош для этого. Ох уж это самолюбие, ох уж эта гордыня! Сколько людей стинуло со света из-за неё.

– Борис Леонидович, а при чём тут моё писательское увлечение?

– Если вы делаете это хорошо, то я буду предлагать вас на конкретное направление.

– Какое направление?

– Будете работать журналистом, писать статьи для журнала, может быть, книги… Журналистика – отличное прикрытие для разведчика, прекрасный повод для вхождения в самые разные сферы…

– Любопытно, – я не смог скрыть самодовольной улыбки, сразу нарисовав перед собой увлекательную картину, – очень заманчиво.

– Не знаю, что из всего этого получится, Юра, – Борис Леонидович выразительно шевельнул усами, – может быть, работа у вас не пойдёт… Не спешите отвечать. Дело в том, что разведка любит людей способных, но вовсе не талантливых. Разведка нуждается в профессиональных исполнителях, а не в гениальных писателях и художниках, которые обычно слишком импульсивны…

– Но я вовсе не говорил, что я гениален!

Похоже, я поспешил с этим возгласом. Увидев выражение моего лица, Борис Леонидович громко искренне засмеялся. Его лысина сверкала под лампой, рыжие усы топорщились.

– Не спешите, Юра. У нас с вами состоялся пока лишь предварительный разговор, мы просто знакомились, никаких обязательств… Возможно, вам всё-таки предстоит стать гениальным писателем, а не разведчиком. Разве мы знаем, какие хитрые уловки уготовила нам судьба? Я прошу вас не говорить никому ничего о нашей беседе. Даже вашей невесте. Это единственная на сегодняшний день твёрдая договорённость между нами. Хорошо? Подумайте несколько дней, взвесьте. Позвоните мне, когда будете готовы продолжить разговор…

– Борис Леонидович, у меня к вам просьба.

– Слушаю.

– Если можно, обращайтесь ко мне на «ты». Мне так проще.

Следующая встреча прошла на той же квартире. Разговор был менее радушным, более жёстким.

– Обаяние, Юра, это колоссальная сила. Силища… Большинство людей без этого качества сделать не могут ни шагу. Что касается разведчиков, то могу смело сказать, что им без этого качества грох цена, – рассуждал Борис Леонидович. – Будущего вашего агента надобно околдовывать, заставить его полюбить вас, довериться.

– Но ведь некоторые агенты, как я понимаю, работают только за деньги?

– За деньги, разумеется! Но и деньги человек берёт не от кого попало. Случается, что агенты отказываются от дальнейшей работы, когда их передают другому сотруднику. Они верят тому, кто завербовал их, а не нашей организации в целом. Они доверяют свою душу какому-то конкретному демону, они знают его голос, его лицо, ход его мыслей…

– Демон? Странно вы это сказали, – хмыкнул я, – даже мурашки по коже пошли.

– Одно и то же можно назвать разными словами. У нас откровенный разговор, Юра. Я выкладываю всё, как оно есть, а ты уж делай выводы. Я не агитирую тебя, не вербую, я лишь рассказываю тебе о том, кем тебе предстоит быть, если ты примешь моё предложение… Становясь разведчиком, ты превращаешься в коварного соблазнителя. Делая кого-то агентом, ты делаешь из него предателя родины. Ты заставляешь его служить чужой стране, за деньги или за идею – разве это важно? Так или иначе, но ты делаешь из него предателя. Иногда человек даже не подозревает, что он служит источником информации для тебя. Но если он отдаёт себе отчёт в совершаемых поступках, осознанно помогает тебе, то он – предатель. Ты покупаешь его предательство, платишь за него деньги. В каком-то смысле предательство – своего рода бизнес. Но иногда приходится шантажировать, однако это уже крайний случай.

– Крайний?

– Нет ничего хуже затравленного человека, Юра. Ты не можешь доверять ему, так как он всегда думает о том, как бы слезть с твоего крючка. Загнанный в угол человек способен

совершить совершенно непредсказуемые поступки, иногда эти поступки бывают очень опасны для нашего дела... Нет, ты уж поверь мне на слово, что нет ничего хуже шантажа.

– Вам приходилось заниматься этим? – я пристально посмотрел в лицо разведчику.

– Да, – ответил тот спокойно, – приходилось заниматься всем. К моему сожалению, на моей совести есть и человеческие жизни.

– Вы кого-то убили?

– Нет, не я. Но как я узнал, много людей погибло однажды в результате очень хитрой комбинации, одним из звеньев которой был я... Полагаю, были и другие случаи, о которых я ничего не знаю.

– Разве вам не всегда известно, как задумана операция, в которой вы участвуете?

– Каждый из нас знает только то, что поручено ему, – сказал Борис Леонидович и замолчал, задумавшись. – Представь, что нам нужно организовать встречу с неким мистером Иксом. Допустим, ты знаком с кем-то из его семьи. Ты, сидя у них в доме или где-то ещё за чаем, узнаёшь между делом, например, у его дочери, что он намеревается уехать на отдых тогда-то или тогда-то. Это и есть нужная информация. Всё! От тебя в этом деле больше не требуется ничего. Разрабатывать его поездку будут другие. И ты никогда не узнаешь, для чего нужна была встреча с этим Иксом. Скорее всего такая встреча будет выглядеть случайной. «Ах, это вы, мой друг! Отдыхаете? А как там такой-то и сякой-то? Кстати, не окажете любезность? У меня никак руки не доходят, передайте ему от меня записочку, сейчас я черкну вам...» И вот через этого мистера Икса записочка попадает к мистеру Игреку. И ничего больше от Икса не требуется. Просто передать письмецо. В руки. Чтобы наверняка, чтобы гарантировано, чтобы не почтой и без регистрационных номеров. И кто-то будет кем-то принят где-то в результате этого письма. Или не принят. Или расстрелян... Вот тебе и цепочка, Юра. И всё это ради какой-то большой игры, которую ведёт государство. И ты, будучи разведчиком, служишь своей стране, какое бы задание ты ни выполнял и как бы нелепо оно тебе ни казалось. Ты – воин своей страны. Каждая страна – это своего рода чудовище для других стран. И каждое такое чудовище борется за своё место под солнцем, пожирая остальных, вступая в непродолжительные связи с другими чудовищами или же открыто воюя против них. Ты являешься орудием этого чудовища, Юра. Даже не орудием, а одной из клеток, молекулой, атомом чудовища.

– Звучит непривлекательно, – я усмехнулся.

– Многие вещи кажутся отталкивающими, когда смотришь на них изнутри. Возьми любую женщину, пусть даже самую красивую. Она выглядит божественно красивой. Но сунься в её кишку – сколько там залежей, с которыми не справляется её организм, сколько там продуктов брожения, микробов, кровяных шариков и антител в крови, сколько всякого разного... Но тебя интересует женщина не как мешок с этим дерзом, а женщина как объект красоты и наслаждений. Не так ли?

– Так.

– Всюду есть своя скрытая сторона. Если мы не видим её, это вовсе не означает, что её не существует вообще. Так что тебе следует согласиться с этим или отказаться от работы сразу. Готовым нужно быть с самого начала. Быть готовым ко всему. Ты есть часть огромного механизма, исполнитель воли этого механизма, и ты не имеешь права задумываться над правильностью порученного тебе дела. Разведчик – человек в каком-то смысле страшный, подлый.

– Подлый?

– Он пользуется людьми, которые не готовы к тому, что их будут незаметно вербовать и перетягивать из лагеря одного чудовища в лагерь другого. Фактически он пользуется их беззащитностью, их слабостью.

– А где же романтика? – я подался вперёд всем телом, желая удержать ускользавший от меня привлекательный образ секретной службы.

– А где она в других профессиях? Романтика, Юра, это полуправда, обман, тщательно подобранные краски для конкретного плаката. Романтизировать можно и бандитскую жизнь. Был такой Робин Гуд – порядочная сволочь, обыкновенный разбойник, а сколько вокруг него наверчено лирики… Романтика – крючок, на который удобно ловить. Разведчик должен быть прагматиком… Что же касается людей, которых приходится использовать, сманивая тем или иным способом на свою сторону, то здесь можно сказать только одно – всех нас кто-то использует. Кто думает, что можно прожить в сторонке от социальных омутов, сильно заблуждается. Зачастую такие люди до конца дней живут в уверенности, что они никому и ничему не служили, но в действительности не раз были орудиями в чужих руках. Мало ли приходится выполнять поручений, ничего не значащих на взгляд рядового обывателя, которые в действительности очень важны в шпионской игре. Я уж не говорю о политиках, которыми спецслужбы крутят на все лады, направляя их работу в нужное русло… Всё это – часть твоей будущей работы.

– Сейчас мне начинает казаться, что я наивен, как младенец, – признался я и стиснул кулаки, с досадой почувствовав, что они были совершенно холодны из-за моей нервозности.

– Я же говорил, что двадцать два года – эпоха мальчишества. Редко кто в таком возрасте бывает по-настоящему циничен, редко кто умеет мыслить достаточно широко. Людям вообще свойственно пользоваться устоявшимися понятиями, складывать из них, как по шаблону, умозаключения, которые являются собой такие же шаблонные кирпичи. Что касается разведчика, то он обязан мыслить тонко. Разведчик всегда ведёт игру, сложную игру, хитрую игру, а потому – подлую. Хитрость – правая рука подлости. А если тебе нужны положительные стороны дела, то тут тебе есть где проявить и отвагу, и долготерпение, и твёрдость характера. Работа очень кропотливая и напряжённая. Всё время приходится ходить по лезвию бритвы. Впрочем, в большинстве случаев со стороны это всё выглядит невзрачно и буднично.

– По лезвию бритвы…

– По стенам приходится карабкаться редко, чаще – просто втиратся в доверие и через это добывать информацию. Но это и есть лезвие бритвы. Ты всегда работаешь на территории чужого государства, это требует постоянного напряжения нервов. Некоторые не выдерживают… Знаешь, разведчиков иногда сравнивают с актёрами, мол, они постоянно играют какие-то роли, никогда не бывают собой. Может, в этом и есть доля правды, но актёр время от времени уходит со сцены, где он может отдохнуть, обдумать сыгранную роль, выслушать замечания режиссёра, сыграть роль ещё раз, исправив ошибки. У разведчика такой возможности нет, его ошибка чревата провалом целой агентурной сети, ставит под удар не одну жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.